ОФИЦЕРСКІЯ ЗАПИСКИ.

2007044066

ОФИЦЕРСКІЯ ЗАПИСКИ,

или

ВОСПОМИНАНІЯ О ПОХОДАХЪ

1812, 1813 и 1814 годовъ.

Князя Н: Б: Голицына.

Et quorum pars *minima* fui.

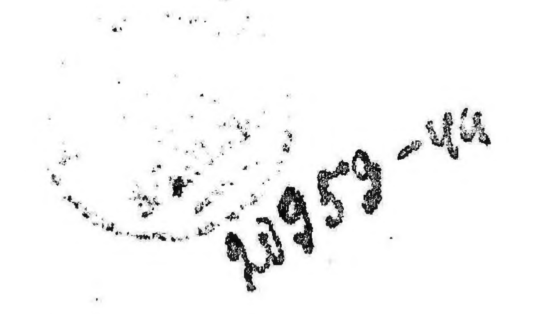

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при Императорской Медико-Хирургической Академіи.
1838.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Октября 27 дня, 1836 года.

Ценсоръ А. Фрейгангъ.

20959-44

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

1812 ГОДЪ.

Не намъ не намъ а имени Твоему.

Справедливо говорятъ, что воспоминанія молодости услаждаютъ старость, въ особенности когда они относятся къ важнымъ и знаменитымъ въ Исторіи событіямъ. Но какая Эпоха можетъ представить болѣе такихъ событій, чѣмъ краткій промежутокъ времени который отдѣляетъ лѣто 1812 отъ весны 1814? Много вѣковъ потонуло въ прошедшемъ, много потонетъ въ будущемъ, но вѣрно ни въ одномъ изъ нихъ не было и не будетъ двухъ лѣтъ такихъ полныхъ и чудныхъ. Онѣ заключаютъ въ нѣдрахъ своихъ цѣлую сокровищницу наставленій, открытую для каждаго мыслящаго человѣка, который захочетъ изучить уроки, данные тогда Провидѣніемъ человѣчеству. Счастливый въ моемъ ничтожествѣ тѣмъ, что я самъ былъ пылинкою въ составѣ огромныхъ орудій, которыми дѣйствовало Провидѣніе для достиженія

своей цѣли, я всегда съ неизъяснимымъ удовольствіемъ переношусь мысленно къ тому времени, когда минутныя бѣдствія, постигшія мое отечество, уступили мѣсто торжествамъ и славѣ, тѣмъ болѣе чистой, что мы великодушно отплатили за покушеніе завоевать насъ, освобожденіемъ народовъ, упадавшихъ подъ тягостью владычества Наполеона. О, слава, безсмертная слава, великому Государю, котораго Богъ назначилъ быть исполнителемъ высокихъ своихъ предначертаній, потому что онъ былъ на то и достойнѣйшій. Александръ, котораго потомство поставитъ выше всѣхъ тѣхъ великихъ мужей, которыхъ Исторія передала намъ однѣ только знаменитыя дѣянія, первый показалъ вселенной, изумленной толикими доблестями, что настоящая слава состоитъ въ великодушіи, правосудіи и кротости и что для одержанія побѣды въ правомъ дѣлѣ, вѣра, молитва, и упованіе на помощь Всевышняго, дѣйствительнѣе могущества властолюбца, располагающаго безчисленными средствами. Эти чувства, которыя одушевляли всѣхъ тѣхъ, которые имѣли счастіе участвовать въ этихъ незабвенныхъ походахъ, возродились въ сердцахъ нашихъ посреди достопамятныхъ происшествій, которыхъ мы были очевидцами, и для полнаго уразумленія характера этой эпохи необходимо прислушаться къ біеніямъ Русскаго сердца при

каждомъ переворотѣ столь занимательной политической драмы, которой театромъ была Европа. Если я берусь за перо, то болѣе для того чтобы передать читателямъ впечатлѣнія, возбужденныя во мнѣ тѣми достопамятными событіями, которыхъ былъ свидѣтелемъ, «et quorum pars *minima* fui». Въ моихъ очеркахъ не должно искать ни ученыхъ стратегическихъ разборовъ, ни картинъ общихъ военныхъ дѣйствій. Другіе съ отличнымъ успѣхомъ совершили этотъ трудъ; я намѣренъ помѣстить здѣсь одни только тѣ обстоятельства, которыя сбылись въ моихъ глазахъ, обрисовать ихъ физіономію, и дать отчетъ въ чувствахъ, которыя онѣ во мнѣ возбуждали.

Когда вѣсть о вторженіи несмѣтныхъ полчищъ Наполеона разнеслась по Россіи, можно сказать, что одно чувство одушевило всѣ сердца, приверженныя къ Царю и Отечеству. Не скрывая отъ себя всю опасность угрожающую отечеству наводненному многочисленными и привыкшими къ побѣдѣ арміями, подъ предводительствомъ самаго знаменитаго и опытнаго полководца, предъ которымъ уже со страхомъ пали многія Европейскія державы, оставалось каждому изъ насъ принести, въ жертву родинѣ, свою жизнь и достояніе, предоставляя Богу обратить этотъ порывъ священнаго чувства къ торжеству правосудія. Проникнутый па-

кимъ же чувствованіемъ, я оставилъ деревню, гдѣ жилъ, и поспѣшилъ въ С. Петербургъ просить о назначеніи въ дѣйствующую армію, мало заботясь о выгодахъ, которыя предстояли мнѣ, или нѣтъ при опредѣленіи въ службу.

Я выѣхалъ изъ этой столицы 5-го Іюля. Назначеніе мое было въ главную квартиру второй арміи, которою тогда командовалъ генералъ отъ инфантеріи Князь Багратіонъ. Въ то время первая армія, подъ начальствомъ генерала Барклая де-Толли, находилась въ укрѣпленномъ лагерѣ при Дриссѣ, а вторая вступивъ изъ своихъ квартеръ въ Волынской Губерніи, подвигалась для соединенія съ нею. Такое расположеніе обѣихъ армій поставило меня въ необходимость примкнуть къ первой и слѣдовать за нею до предполагаемаго соединенія. Я сначала направилъ путь на Дриссу, но узнавъ дорогою, что армія двинулась оттуда къ Витебску, своротилъ на Полоцкъ, и нагналъ ее въ то самое время, когда происходила кровавая битва подъ Островнымъ.

Изъ всѣхъ впечатлѣній, поражающихъ неопытнаго молодаго человѣка, при вступленіи его на военное поприще, я не думаю, чтобы какое либо могло сравниться съ тѣмъ, которое ожидало меня къ самому пріѣзду. Чтобы не сбиться съ дороги, я ѣхалъ по направленію отзывающихся вдали пушечныхъ выстрѣловъ, и прибли-

жаясь къ полю сраженія, первая картина, которая представилась моимъ глазамъ, были раненые, принужденные оставить бой, чтобы искать врачебной помощи. Разрубленные черепы, отрѣзанныя руки и ноги, вопль страждущихъ, смерть, грозившая этимъ несчастнымъ, которые за минуту до того были здоровы и не ожидали такой участи, — все это такъ меня взволновало, что слезы ручьемъ брызнули изъ глазъ, и я долженъ былъ удалиться отъ зрѣлища, нестерпимаго для семнадцати-лѣтняго юноши. — Впослѣдствіи, мнѣ часто случалось быть свидѣтелемъ гораздо ужаснѣйшихъ картинъ разрушенія, но никогда уже не чувствовалъ я того, что ощутилъ въ это время.

Два брата мои служили въ лейбъ гвардіи конномъ полку, я присоединился къ нимъ до встрѣчи со второю арміею. Жаръ былъ нестерпимый; войска шли день и ночь, отдыхали на привалахъ по два или по три часа, и потомъ снова продолжали путь. Такимъ образомъ дошли мы до Смоленска, подъ стѣнами котораго явились въ концѣ Іюля. Князь Багратіонъ прибылъ туда почти въ тоже время. Соединеніе Русскихъ армій не могло совершиться съ большимъ успѣхомъ: одинъ день разницы могъ бы имѣть самыя гибельныя послѣдствія. Такое счастливое соединеніе двухъ армій, не смотря на всѣ усилія непріятеля, представилось мнѣ тогда же,

какъ знакъ особаго расположенія Провиденія къ будущему успѣху нашего оружія. Я тотчасъ явился къ Князю Багратіону, который принялъ меня съ особенною ласкою, и оставилъ при себѣ на ординарцахъ. — Дивизія Генерала Невѣровскаго, сбитая превосходными силами изъ подъ Краснаго, предвѣщала, что Смоленскъ скоро будетъ предметомъ всѣхъ непріятельскихъ усилій. Не входило въ планъ главнокомандующаго Барклая-де-Толли дать генеральнаго сраженія, но ему необходимо было удержать на нѣсколько времени Смоленскъ за собою, для того чтобы армія могла совершить свое дальнѣйшее отступленіе: это дѣло поручено было Генералу Раевскому. Во время пребыванія нашего въ Смоленскѣ я былъ свидѣтелемъ одной сцены, о которой упоминаю только для того, чтобы показать, что кромѣ внѣшнихъ враговъ, у насъ были еще другіе.

Офицеръ, присланный отъ Генерала Невѣровскаго съ извѣстіемъ объ его пораженіи, привезъ съ собою шкатулку, сначала разбитую, потомъ запечатанную. Съ нимъ пріѣхали пожилой мужчина въ губернскомъ мундирѣ, съ Аннинскимъ крестомъ на шеѣ, и его осьмнадцати лѣтній сынъ. Шкатулку отнесли въ кабинетъ главнокомандующаго, а два незнакомца остались съ нами въ пріемной залѣ. Черезъ четверть часа дверь кабинета отворяется; Князь

Багратіонъ съ грознымъ видомъ выходитъ къ старшему изъ пріѣзжихъ, и не говоря ни слова, срываетъ съ него Аннинскій крестъ; тогда отецъ и сынъ съ воплемъ бросились ему въ ноги, но дѣло кончилось тѣмъ, что Князь приказалъ взять ихъ обоихъ подъ стражу. Я неимѣлъ въ послѣдствіи случая узнать, чѣмъ рѣшилась участь этихъ несчастныхъ, но это обстоятельство уже тогда убѣдило насъ въ существованіи измѣнниковъ, въ провинціяхъ присоединенныхъ отъ Польши къ Россіи.

Подъ Смоленскимъ 4 и 5 Августа происходила упорная битва, между тѣмъ какъ обѣ арміи отступали къ Дорогобужу. 6-го числа городъ былъ очищенъ при чемъ увезена и икона Смоленской Божіей Матери; а 7-го, первая армія выдержала жаркое сраженіе при Валутиной горѣ. Вторая шла параллельно съ нею въ направленіи къ Вязьмѣ.

Приближаясь къ Гжатску, мы узнали о прибытіи новаго Главнокомандующаго, и всѣ съ нетерпѣніемъ стали готовиться къ битвѣ. Кутузовъ чувствовалъ необходимость дать генеральное сраженіе не доходя до Москвы, тѣмъ болѣе, что Французская армія во всякомъ случаѣ должна была претерпѣть большой уронъ, котораго ей невозможно было замѣнить, тогда какъ мы ежедневно усиливались подкрѣпленіями, подходившими со всѣхъ сторонъ госу-

дарства. Мѣстомъ для битвы было избрано Бородинское поле, въ девяти верстахъ отъ Можайска.

Арріергардныя дѣла съ нѣкотораго времени становились упорнѣе: 24-го числа Августа въ направленіи отъ Колоцкаго монастыря къ деревнѣ Шевардиной, большая часть арміи Князя Багратіона вступила въ бой. Битва была кровопролитная и продолжалась до поздней ночи. Нѣсколько орудій были отбиты у непріятеля, мы лишились части своихъ, но самая кровавая схватка завязалась у деревни Шевардиной. Здѣсь мнѣ представилась ужасная картина обоюднаго ожесточенія, которой впослѣдствіи нигдѣ не встрѣчалъ. Сражавшіеся баталіоны, Рускіе и Французскіе, съ растянутымъ фронтомъ раздѣленные только крутымъ, но узкимъ оврагомъ, который не позволялъ имъ дѣйствовать холоднымъ оружіемъ, подходили на самое близкое разстояніе, открывали одинъ по другому бѣглый огонь, и продолжали эту убійственную перестрѣлку до тѣхъ поръ, пока смерть не разметала рядовъ съ обѣихъ сторонъ. Еще разительнѣе стало это зрѣлище подъ вечеръ, когда ружейные выстрѣлы сверкали въ темнотѣ какъ молніи, сначала очень густо, потомъ рѣже и рѣже покуда все утихло, по недостатку сражающихся.

То было первое дѣйствительное жаркое сраженіе, въ которомъ мнѣ случилось участвовать, и я счастливо отдѣлался отъ такой опасности только контузіею въ лобъ, причиненной пулею, которая пролетѣла черезъ мою фуражку. Тутъ я имѣлъ случай испытать какъ впечатленія могутъ быть различны смотря по обстоятельствамъ, въ которыхъ мы находимся. Когда по пріѣздѣ моемъ въ армію, я былъ такъ неожиданно пораженъ зрѣлищемъ всѣхъ раненныхъ, сдѣлавшихся жертвою битвы подъ Островнымъ, то мнѣ представилось какъ будто бы невозможно возвратиться съ поля сраженія иначе какъ въ подобномъ положеніи. Но когда я тутъ испыталъ на себѣ, что можно выдержать самый смертоносный огонь, и остаться ни убитымъ, ни тяжело раненнымъ, то я увѣрился что уцѣлѣю несомнѣнно послѣ всѣхъ сраженій, въ которыхъ доведется впослѣдствіи участвовать. Счастливъ тотъ, который на войнѣ можетъ въ томъ увѣриться, потому что онъ тогда сохраняетъ все спокойствіе и присутствіе духа, необходимыя на полѣ сраженія. Впрочемъ, по мнѣнію моему, такая увѣренность и надѣянность на невредимость, посреди опасностей, можетъ поселиться только въ томъ сердцѣ, которое совершенно предается на волю Божію. Что до меня касается, то примѣръ оправ-

далъ сіе правило, ибо мнѣ довелось впослѣдствіи участвовать по крайней мѣрѣ въ пятидесяти схваткахъ, битвахъ и сраженіяхъ, и кромѣ убитой подо мною лошади въ Кацбахскомъ дѣлѣ, я никогда не получилъ малѣйшей царапины. Само собою понятно, что я здѣсь разумѣю только о тѣхъ, которые не отвергли всякое христіянское чувство, потому что есть храбрость, которая можетъ быть основана на совсемъ противоположномъ образѣ мыслей. Напримѣръ, Наполеонъ, которому никто не откажетъ въ неустрашимости, возражалъ тѣмъ, которые ему совѣтовали не слишкомъ подвергаться опасностямъ, что то ядро, которое могло бы его убить, еще не вылито, но онъ вѣрилъ въ *судьбу* или *предопредѣленіе*.—Но возвратимся къ нашему повѣствованію, которое мы оставили на самомъ занимательномъ періодѣ отечественной войны.

25-е число прошло въ приготовленіяхъ къ генеральному сраженію.—Глубокая тишина, которая господствовала повсюду, была предвѣстницею грозы. По всей линіи провозили икону Смоленской Божіей Матери, и каждый изъ насъ могъ приготовиться съ благоговѣніемъ къ принесенію себя въ жертву Царю и Отечеству. Величественная минута, которая никогда не изгладится изъ памяти моей!

На другой день 26-го Августа настала долго ожидаемая битва, названная исполинскою.

Въ пять часовъ утра перестрѣлка послышалась у лѣваго фланга, который занимала вторая армія, и въ одно мгновеніе распространилась по всей линіи. Раздался громъ двухъ тысячь пушекъ и двухъ сотъ тысячь ружей, который потрясалъ землю подъ ногами нашими, и извергалъ смерть съ такою адскою быстротою, что всякое спасеніе казалось невозможнымъ. — Сильное стремленіе безчисленныхъ колоннъ непріятельскихъ, покушающихся всячески овладѣть нашими орудіями, навалило огромнѣйшую груду мертвыхъ тѣлъ предъ батареею Генерала Раевскаго, у подошвы которой изчезали цѣлыя дивизіи. Ожесточеніе неимовѣрное и непостижимое для того, который небылъ очевидцемъ такой ужасной борьбы. Какъ жизнь человѣческая является во всемъ ничтожествѣ своемъ, въ такія минуты, гдѣ острая и неумолимая коса̀ смерти такъ безостановочно дѣйствуетъ и очищаетъ все вокругъ насъ, что каждая секунда, кажется, должна быть послѣднею нашей жизни, и при безпрестанномъ такомъ разрушеніи, всѣ чувства до того умолкаютъ, что глаза не въ силахъ уронить слезы при видѣ падшаго друга, котораго рука, за минуту до того зжимала нашу. Но этотъ достопамятный день,

пожравшій столько драгоцѣнныхъ жертвъ, готовилъ нашимъ сердцамъ самый чувствительный ударъ. Въ 11-ть часовъ утра обломокъ гранаты ударилъ нашего возлюбленнаго Генерала въ ногу и сбросилъ его съ коня. Здѣсь суждено ему было кончить блистательное военное служеніе, въ продолженіи котораго онъ вышелъ невредимъ изъ пятидесяти баталій. Его отличные подвиги подъ начальствомъ безсмертнаго Суворова, и собственныя распоряженія, когда онъ командовалъ арміями, противъ Шведомъ и Турковъ, увѣнчали его заслуженными лаврами. Быстрое и искусное движеніе, которому мы обязаны соединеніемъ Рускихъ армій подъ Смоленскомъ ставитъ его въ число избавителей Россіи въ 1812 году. Самоотверженіе съ каковымъ онъ подчинился младшему его по службѣ генералу Барклаю, доказываетъ что онъ умѣлъ заглушить чувства самолюбія, когда дѣло шло о спасеніи отечества и повиновеніи воли своего Государя. И въ этомъ случаѣ не суетное тщеславіе руководило имъ: онъ уже былъ осыпанъ всѣми знаками отличія и почестями, которыя можно было желать въ столь высокомъ санѣ; но онъ поступилъ какъ истинный сынъ отечества, и послѣдовалъ чувству отверженія, которое въ времена тяжкаго испытанія, какъ тогдашнія, облегчаетъ всякое пожертвованіе. Къ сожалѣнію, блистательный

успѣхъ этой компаніи не усладилъ послѣднихъ минутъ князя Багратіона; онъ скончался въ имѣніи моего отца, селѣ Симѣ Владимірской Губерніи, 12 Сентября въ самое горькое время, для сердца пылавшаго любовью къ отечеству, каковое тогдашнее положеніе дѣлъ сильно дѣйствующее на патріотическую его душу, уже изнуренную тѣлесными страданіями, вѣроятно, ускорило кончину его. Тамъ понынѣ покоится его прахъ. Достойная его славы надгробная, можетъ заключиться въ слѣдующихъ четырехъ словахъ: *Hic cinis, ubique fama:* Здѣсь прахъ, повсюду слава. Когда его ранили, онъ, не смотря на свои страданія, хотѣлъ дождаться послѣдствій скомандованной имъ атаки второй кирасирской дивизіи, и собственными глазами удостовѣриться въ ея успѣхѣ: послѣ этого, почувствовавъ душевное облегченіе, онъ оставилъ поле битвы. При послѣднемъ прощаніи со мною, онъ посовѣтовалъ мнѣ явиться въ Кіевской драгунской полкъ, куда онъ меня опредѣлилъ, потому что уважалъ чрезвычайно храбраго командира этого полка полковника Емануеля, о которомъ я часто буду имѣть случай говорить въ продолженіи этихъ записокъ.

Бородинское сраженіе никто уже не называетъ проиграннымъ. Оно стоило ужаснаго множества людей съ обѣихъ сторонъ, но ни

одна сторона не пріобрѣла рѣшительнаго перевѣса. Извѣстно, что Французская армія отступила ночью за 12-ть верстъ, и что съ нашей стороны было предпринято на другой день наступательное движеніе, но главнокомандующій, получая со всѣхъ сторонъ донесенія о невозможности опредѣлить настоящую убыль, и число людей могущихъ быть въ строю, рѣшился отступить. Я знаю по самымъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, что въ этотъ день мы имѣли подъ ружьемъ всего 96000 человѣкъ; по словамъ же самихъ Французскихъ писателей, непріятельская армія была гораздо многочисленнѣе.

Сильная боль отъ контузіи, полученной 24-го числа въ голову, и усталость послѣ столько утомительныхъ трудовъ, принудили меня отправиться въ Москву, куда я прибылъ 31-го Августа. Но какъ видъ этой величественной столицы уже тогда измѣнился! едва на улицахъ встрѣчались экипажи: дворянство и множество жителей другихъ сословій выѣхали изъ города. Люди, которые попадались изрѣдка на встрѣчу, походили на безпріютныхъ сиротъ, ожидающихъ какого-то неизбѣжнаго бѣдствія. Стоило только выйти на улицу въ военномъ мундирѣ, чтобы привлечь за собою толпу любопытныхъ: тотчасъ начинались распросы, — идетъ ли непріятель? какъ кончилась Бородинская битва?

будетъ ли сраженіе подъ Москвою? бѣжать ли изъ города? Эти вопросы ставили меня въ большое затрудненіе, однако я успокоивалъ тѣхъ, которые собирались оставлять столицу, и увѣрялъ ихъ въ невозможности сдачи Москвы непріятелю безъ упорнаго сопротивленія. Признаюсь откровенно, я былъ увѣренъ въ истинѣ моихъ словъ, и никакъ не представлялъ себѣ, чтобы столица Россіи могла быть отдана Французамъ безъ выстрѣла. Я раздѣлялъ это убѣжденіе со всѣми моими сослуживцами, которые не имѣли свѣдѣнія о планѣ, принятомъ военнымъ совѣтомъ въ деревнѣ Филяхъ.

На другой день, 1-го Сентября, было воскресенье; я отправился къ обѣднѣ въ Успенскій Соборъ. Въ послѣдній разъ было суждено отправлять Божественную Литургію въ этомъ храмѣ Преосвященному Августину, но кто могъ бы это тогда предсказать? Толпа народа наполняла храмъ Божій; на всѣхъ лицахъ изображалась глубокая горесть и вмѣстѣ покорность волѣ Всевышняго. Никогда не видалъ я такого всеобщаго благочестія; всѣ сердца единодушно были расположены къ молитвѣ. Воспоминаніе объ этой достопамятной обѣднѣ никогда не изгладится изъ памяти моей. Самъ Преосвященный служилъ съ глубокимъ чувствомъ умиленія, и когда поднимая влажные свои взоры къ Небу и обращаясь къ народу,

онъ произнесъ слова — «*Горѣ имѣемъ сердца*,» всѣ присутствующіе устремили глаза, омоченные слезами, къ единому Утѣшителю въ скорбѣхъ нашихъ! Каждый разъ, какъ я послѣ того имѣю случай проѣзжать чрезъ Москву, я не упускаю посѣщать этотъ великолѣпный храмъ, гдѣ мыслію переношусь, въ забвеніи всего мірскаго къ столь торжественному часу запечатленному въ сердцѣ моемъ неизгладимою чертою. Царь небесный услышалъ моленія этого собранія вѣрующихъ. Онъ дозволилъ разрушеніе и поруганіе святаго храма своего для того, чтобы истребить поругателей, и возвести его въ новомъ великолѣпіи изъ развалинъ.

2-го Сентября, въ день вѣчно достопамятный для Москвы, я всталъ рано по утру, сѣлъ на коня и поскакалъ къ Смоленской заставѣ, съ намѣреніемъ узнать тамъ что нибудь о дѣйствіяхъ арміи, и въ случаѣ новой битвы, спѣшить къ своему мѣсту, чтобы вмѣстѣ съ другими жертвовать собою за древнюю Столицу Отечества. Недалеко отъ заставы, я встрѣтилъ главнокомандующаго, который совсѣмъ своимъ штабомъ въѣзжалъ въ городъ. Случай былъ превосходный для разрѣшенія моихъ недоразумѣній. Я тутъ же нашелъ роднаго брата моего, незадолго передъ тѣмъ поступившаго въ адъютанты къ генералу Кутузову, и присоединившись къ многочисленной свитѣ,

ѣхалъ съ нею черезъ всю Москву. Шествіе наше продолжалось нѣсколько часовъ. Всѣ казались углубленными въ размышленія, ничѣмъ непрерываемыя: тишина и молчаніе царствовали въ продолженіи всего нашего таинственнаго шествія, котораго цѣль и направленіе были извѣстны одному только главнокомандующему. Изрѣдка встрѣчались жители, на лицахъ которыхъ выражалось безпокойствіе; но всѣ дѣлаемые и повторяемые ими вопросы оставались безъ отвѣта. Наконецъ вдали мелькнули два бѣлые столба. Застава! но какая? говорятъ, Коломенская. — Да куда же мы идемъ? — Богъ знаетъ. — Вотъ единственныя восклицанія и вопросы, которые прерывали глубокое молчаніе до того сохраняемое. У этой заставѣ мы нашли Московскаго военнаго Губернатора графа Растопчина; онъ не слѣзая съ лошади, переговорилъ шопотомъ съ главнокомандующимъ, и возвратился въ Москву, которую мы покидали. Здѣсь только открылась намъ истина. Я не изъ числа людей, которые послѣ развязки увѣряютъ, что еще за ранѣе предвидѣли послѣдствія сдачи Москвы непріятелю: признаюсь: неизъяснимая горесть сдавила мое сердце, когда наши сомнѣнія изчезли. Могу сказать, что я раздѣлялъ это чувство со всѣми товарищами, которые, подобно мнѣ, судили по своимъ впечатлѣніямъ и не имѣли дальновидности, увѣн-

чавшей такимъ блистательнымъ успѣхомъ соображенія Генераловъ Голенищева-Кутузова и Барклая де Толли. На третій день когда зарево пылающей Москвы озарило насъ своимъ свѣтомъ, слезы градомъ потекли изъ глазъ моихъ. Но скоро сердце мое оживилось, и я почувствовалъ внутренюю отраду при мысли, что вмѣсто ожидаемыхъ наслажденій и покоя, врагъ найдетъ въ Москвѣ угощеніе, достойное Русскаго народа. Есть минуты въ жизни, которыя оставляютъ по себѣ неизгладимыя впечатлѣнія. Бывъ очевидцемъ столь необъятнаго событія и послѣдствій, которыя изъ него Провидѣніе извлекло къ посрамленію враговъ нашихъ, я никогда не подъѣзжаю къ Москвѣ безъ внутренняго содраганія отъ мысли о бѣдствіяхъ, которыхъ я былъ очевидцемъ. Этотъ городъ является мнѣ открытою книгою, въ которой я читаю чудесную повѣсть страданій и торжества нашего Отечества. Въ ней вижу я чудесные пути, которыми Промыслъ Божій достигъ предназначенной имъ цѣли, и я того мнѣнія, что, дабы вполнѣ обнять всю силу этого небеснаго нравоученія, надобно было пройти чрезъ всѣ степени мученій и отрадъ сердца, которыя, при такихъ необыкновенныхъ переходахъ счастія, то испытывали, то ободряли нашъ христіянскій и военный духъ.

Имѣя намѣреніе отправиться къ своему пол-

ку, я освѣдомился объ его назначеніи и узналъ, что полковникъ Емануель раненъ подъ Бородинымъ и находится въ отсутствіи. Между тѣмъ я представился нашему дивизіонному командиру графу Сиверсу, который предложилъ мнѣ остаться при немъ въ должности адъютанта. Отступивъ верстъ тридцать по Коломенской дорогѣ, мы своротили проселками на Подольскъ, гдѣ зарево пылающей Москвы продолжало освѣщать наше шествіе. Это было несомнѣнно безпримѣрное въ исторіи событіе видѣть всѣхъ этихъ грозныхъ и молчаливыхъ воиновъ, освѣщенныхъ на походѣ пожаромъ своей столицы, для защиты которой имъ не дозволено было положить свой животъ, и какъ будто бы для того чтобы имѣть возможность вполнѣ насытиться такимъ горестнымъ зрѣлищемъ, они ходили въ разстояніи какихъ нибудь тридцати верстъ вокругъ этого раскаленнаго пепелища, которое пожирало такое ужасное множество состояній. Пусть тѣ, которые не были свидѣтелями столь убійственной для сердца Русскаго картины, перенесутся мыслію къ этому времени, и тогда они постигнутъ, сколько потребно было имѣть вѣры и твердости, чтобы переносить съ бодрымъ духомъ испытанія столь горькія и чувствительныя для сердца воина и Русскаго. Но какъ всѣ тяжкія испытанія, наши страданія

были кратковременныя, и съ изъбышкомъ вознаграждены.

Пятнадцатаго Сентября подъ селеніемъ Красною-Пахрою, мы имѣли кавалерійскую стычку съ непріятелемъ. Тутъ увидѣлъ я въ первый разъ извѣстнаго Англичанина Сиръ Роберта Вильсона, который, питая ненависть къ Наполеону, пріѣхалъ раздѣлять труды компаніи; 17-го завязалось арріергардное дѣло при селѣ Чириковѣ. Въ тотъ же день мы прошли чрезъ Вороново, богатое помѣстье графа Растопчина, гдѣ этотъ великій гражданинъ, вполнѣ достойный своей славы, предалъ огню свой собственный домъ осуществляя въ маломъ видѣ мысль, которая превратила нашу древнюю столицу въ груду развалинъ.

Не доходя до Тарутина, 22-го Сентября, мы опять имѣли арріергардное дѣло, но можно было замѣтить что непріятель не предполагалъ найти здѣсь главныя наши силы, потому что прекратилъ преслѣдованіе. Къ томуже занятіе Москвы, отъ котораго Наполеонъ ожидалъ конца войны, ослабило его обыкновенную дѣятельность, онъ былъ увѣренъ, что мы первые вступимъ въ переговоры и почиталъ второстепеннымъ дѣломъ распоряженія, нужныя для дальнѣйшаго хода компаніи. Такимъ образомъ, онъ насъ упустилъ изъ виду; между тѣмъ Кутузовъ, пожалованный за Бородинское сраженіе

въ Фельдмаршалы укрѣплялъ Тарутинское мѣстоположеніе, и сосредоточивалъ на этомъ пунктѣ всѣ свои силы. Эта позиція была выгодна тѣмъ, что прикрывала наши южныя Губерніи и давала намъ возможность ударить непріятелю во флангъ или въ тылъ, куда бы онъ ни направилъ свои дальнѣйшія дѣйствія. Мы простояли здѣсь въ совершенномъ бездѣйствіи, отъ 22-го Сентября по 6-е Октября. Можно себѣ представить, что въ продолженіи длинныхъ осеннихъ вечеровъ, единственными разговорами въ нашихъ товарищескихъ бесѣдахъ были Россія и послѣдствія будущихъ военныхъ дѣйствій. Каждый, какъ обыкновенно водится, разсуждалъ по своему, но уныніе, овладѣвшее всѣми послѣ сдачи Москвы, очевидно уступало мѣсто надеждѣ, особливо когда мы удостовѣрились, что ни въ какомъ случаѣ миръ не будетъ заключенъ въ предѣлахъ нашего отечества. Часъ, назначенный Провидѣніемъ для нашего торжества приближался, и съ 6-го Октября начинается для Французовъ рядъ безпрерывныхъ неудачъ и пораженій, которыя чрезъ три года приковали гордаго завоевателя къ скаламъ острова Елены. О неисповѣдимыя судьбы Божіи! что всѣ наши земныя и человѣческія предположенія, когда они не одобрены свыше!

Я долженъ здѣсь сказать мимоходомъ, что при вступленіи въ Тарутинскій лагерь, кор-

пусный командиръ, графъ Остерманъ-Толстой, потребовалъ меня къ себѣ для исполненія при немъ должности адъютанта. Въ этомъ качествѣ я присутствовалъ при остальныхъ событіяхъ 1812 года. Фельдмаршалъ Кутузовъ, получивъ достовѣрное извѣстіе, что Французская конница и многочисленный корпусъ, подъ предводительствомъ Мюрата сосредоточились у деревни Винковой, передъ нашею позиціею нѣсколько вправо, рѣшился возобновить военныя дѣйствія. Вечеромъ 5-го Октября мы выступили изъ Тарутина, и сдѣлавъ ночной переходъ, на разсвѣтѣ очутились передъ Французами, которыхъ наше появленіе привело въ замѣшательство; то была Тарутинская побѣда, украшенная многими трофеями. Вслѣдъ за этимъ сраженіемъ мы возвратились въ Тарутинскій лагерь. Но возобновленіе военныхъ дѣйствій съ нашей стороны вывело Наполеона изъ своего очарованія; видя худой успѣхъ мирныхъ предложеній, съ которыми онъ присылалъ Лористона къ Кутузову и ужасаясь послѣдствій, могущихъ произойти отъ столь продолжительнаго бездѣйствія въ такое позднее время года, онъ рѣшился употребить всѣ усилія и военную хитрость, чтобы пробраться въ наши южныя провинціи. Его планъ былъ хорошо обдуманъ, но Провидѣнію не угодно было, чтобъ онъ ему удался. Узнавъ что городъ Малоярославецъ,

чрезъ который пролегаетъ новая Калужская дорога, занятъ слабо нашими войсками, онъ выбралъ этотъ путь, полагая предупредить насъ въ Калугѣ. Если бы ему удалось тогда пробраться, то вѣроятно его Армія избѣгнула бы большую часть тѣхъ бѣдствій, которыя на нее грянули впослѣдствіи, и была бы спасена. Но многочисленные наши партизаны, которые рыскали во всѣхъ направленіяхъ и не упускали изъ виду непріятеля, открыли его движеніе къ Малоярославцу. Фельдмаршалъ получивъ о томъ извѣстіе 11-го числа, немѣдленно отрядилъ 6-й корпусъ Генерала Дохтурова, для защищенія этого важнаго пункта, и вслѣдъ за симъ выступилъ со всею арміею туда же. 12-го Октября освятило послѣднее покушеніе Наполеона, которымъ, если бы оно удалось, онъ могъ еще спасти свою армію, заведенную въ такой отдаленный край, въ самое неблагопріятное время года. Корпусъ Дохтурова выдержалъ съ большимъ мужествомъ весь натискъ гораздо превосходнѣйшаго непріятеля, и городъ Малоярославецъ въ продолженіи этой упорной битвы переходилъ нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки. Между тѣмъ вся армія наша успѣла выстроиться къ вечеру позади города. Ночь прекратила кровавое сраженіе. На другой день 13-го Октября мы заняли выгодную позицію въ увѣренности, что непріятель возобновитъ свою атаку.

Удивленіе наше было чрезвычайно, когда мы узнали, что Наполеонъ рѣшился отступить и направилъ свой путь на Смоленскую дорогу, столько разъ опустошенную. Наконецъ часъ освобожденія насталъ: сердца наши исполнились радости и надеждъ. « Великъ Русскій Богъ, » восклицали мы въ восторгѣ; всякой, кто носитъ военный мундиръ и любитъ свою родину, пойметъ наши страданія при видѣ бѣдствій постигшихъ Россію: но въ эту минуту, когда надежда побѣды и освобожденія превратились въ увѣренность, мы всѣ ожили сердцемъ. По вступленіи въ Малоярославецъ, 14-го Октября, желая воздать Богу благодарное молебствіе въ святомъ храмѣ его, за явное его покровительство, я поспѣшилъ къ тамошнему Собору. Но какъ выразить чувства крайняго негодованія, когда приготовивъ умъ мой и сердце къ молитвѣ спѣша въ церковь съ мыслію о благости Всевышняго, и въ забвеніи всего мірскаго, я прочиталъ на дверяхъ храма надпись: *Ecuries du Général Guilleminot. Конюшня Генерала Гилльемино.* Я взглянулъ въ Церковь, и увидѣлъ что гнусная надпись не обманывала; я долго не могъ опомниться отъ волненія, произведеннаго во мнѣ этимъ поруганіемъ святыни. Въ то время я вполнѣ испыталъ жажду мщенія. Впрочемъ это горестное зрѣлище возобновлялось потомъ при каждой церкви, мимо ко-

торой проходилъ непріятель, но за то и какая ужасная кара готовилась поругателямъ!

Для предупрежденія непріятеля на большой Смоленской дорогѣ, намъ предписано было идти на Вязьму, чрезъ Г: Медынь. Удивительно, что Наполеонъ не избралъ этой дороги, кратчайшей и не разоренной. Октября 22-го мы явились въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Вязьмы. Корпусъ Милорадовича сильно тѣснилъ Французскаго Маршала Даву; мы ударили ему во флангъ и довершили его пораженіе. Вечеромъ, мы заняли Вязьму, объятую пламенемъ. Непріятель набросалъ гранатъ въ дома; ихъ трескъ былъ слышенъ во всѣхъ частяхъ города, въ продолженіи цѣлой ночи. Здѣсь представляется одно замѣчательное обстоятельство, которое ясно показываетъ, что перстъ Божій назначилъ Французскую армію къ истребленію. Сраженіе подъ Вязьмою происходило 22 Октября, въ прекрасную теплую погоду при яркомъ солнцѣ. Мы даже досадовали, что такое благопріятное время дозволитъ Наполеону уйдти отъ Русскихъ морозовъ. Но въ ночи того же самаго числа вдругъ показывается снѣгъ, подымается сильная мятель, и морозъ въ 18-ть градусовъ внезапно, какъ будто волшебнымъ образомъ, появившійся, установляетъ жестокую зиму, которая, къ несчастію Французской арміи, послѣ того не прекращалась. Найдутся ли послѣ то-

го еще слѣпые, которые скажутъ, что это было дѣйствіе одного только *случая*, или русскаго климата? Нѣтъ: скажемъ лучше: Богъ терпитъ, и долго терпитъ нечестивыхъ, но когда беззаконія ихъ превзошли всякую мѣру, онъ дунетъ и они изчезли съ лица земли. Это истребительное дуновеніе было необыкновенная буря этой ужасной ночи. Русскій солдатъ, который сохраняетъ свою вѣру во всей чистотѣ, понялъ это небесное нравоученіе, и надобно частію приписать силѣ такого убѣжденія то, что наша армія такъ мало пострадала отъ морозовъ въ сравненіи съ тѣми бѣдствіями, которыя постигли непріятеля. 23-го числа мы продолжали преслѣдованіе, и безпрестанно встрѣчали ужаснѣйшія картины разрушенія. На каждомъ шагу намъ попадались несчастные остолбенѣвшіе отъ холода; они сначала шатались какъ пьяные, потому что морозъ добирался до мозга, и потомъ падали мертвые; другіе сидѣли около огня, въ страшномъ оцѣпенѣніи не замѣчая, что ихъ ноги, которыя они хотѣли отогрѣть; превратились въ уголь. Многіе бросались съ жадностію на сырую падалину. Я видѣлъ, о ужасъ! какъ нѣкоторые изъ нихъ дотащившись до мертваго тѣла терзали его зубами, и старались утолить этою отвратительною пищею голодъ, который ихъ мучилъ. Если что нибудь могло бы

развлечь отъ столь горестныхъ зрѣлищъ, то былъ видъ всѣхъ разнообразныхъ одеждъ, набранныхъ изъ возимой съ собою Московской добычи, которыя безъ различія половъ которымъ онѣ принадлежали, были накинуты то на головы, то на плечи и представляли картину, которая во всякомъ другомъ случаѣ могла бы развеселить. Но та мысль, что подъ всѣми этими пестрыми и шутовскими нарядами, мучились несчастные, которые боролись съ терзаніями голода и холода, и осуждены были на неминуемую погибель, придавала этому отвратительному маскераду, плачевный и страшный видъ, располагающій болѣе къ состраданію, и къ размышленіямъ о превратности земнаго счастія. Мы не могли подать никакой помощи этимъ страдальцамъ, потому что сами имѣли нужду въ необходимыхъ потребностяхъ жизни, идучи по дорогѣ, опустошаемой каждый день сначала компаніи. Я самъ цѣлую недѣлю довольствовался простыми сухарями и хлѣбною водкою, которая нечаянно случилась у маркитанта: мой Генералъ никогда не держалъ у себя стола во время похода. Ночь 26-го Октября была для меня самая ужасная. Мы цѣлый день дрались подъ Дорогобужемъ, вытѣснили непріятеля изъ занятаго имъ укрѣпленія и отбили многихъ нашихъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ конной гвардіи Полковника Саковнина и Поручика

Князя Петра Голицына, а ночь я провелъ на бивакахъ, въ снѣгу, въ трескучій морозъ, при сильномъ вѣтрѣ, безъ соломы, безъ дровъ и безъ пищи. У меня небыло даже теплой одежды, потому что находясь всегда въ дѣйствіи и въ передовыхъ войскахъ, я не имѣлъ даже возможности запастись вещами, нужными для зимы внезапно появившейся. Труды этой компаніи имѣли вліяніе на мое здоровье и оставили въ немъ слѣды, которые не изчезли до сихъ поръ. Но кто могъ жаловаться на свои страданія при видѣ страданій Французской арміи! По причинѣ недостатка въ съѣстныхъ припасахъ насъ смѣнили свѣжія войска, а мы, не доходя до Смоленска поворотили въ Кобызево проселочною дорогою, по которой продолжали путь безъ важныхъ происшествій. Однако въ это время, мнѣ случалось дѣлать такія утомительныя поѣздки, по приказанію моего Генерала, что однажды я проскакалъ около восьмидесяти верстъ верьхомъ на одной и той же лошади и наконецъ, заѣхалъ въ глубокій снѣгъ, откуда не могъ ее уже вытащить; я былъ одинъ, въ необразимой снѣжной пустынѣ. Къ счастію моему, отставшій фургонъ, изъ главной квартиры, заблудившись, проѣзжая этимъ мѣстомъ, вывелъ меня изъ ужаснаго положенія, въ которомъ оставалось только замерзнуть.

Нашему корпусу не предстояло болѣе участвовать въ преслѣдованіи непріятеля. Фельдмаршалъ желая дать арміи время успокоиться, послѣ такихъ великихъ трудовъ, предоставилъ Генералу Чичагову и Графу Виттгенштейну довершить пораженіе непріятеля при переходѣ чрезъ Березину. Но это не входитъ въ составъ моего повѣствованія, потому что я тутъ не содѣйствовалъ. Проводивъ армію до Минской Губерніи и удостовѣрившись что намъ уже не будетъ случая пріобрѣсти славы я, желая запастись силами на предстоящую кампанію въ 1813 году, отпросился въ отпускъ въ Москву, куда вступилъ отецъ мой съ ополченіемъ Владимірской Губерніи, которымъ онъ командовалъ. Между тѣмъ городъ Смоленскъ былъ занятъ нашими войсками, но Французы предъ отступленіемъ своимъ хотѣли оставить по себѣ память, достойную такихъ посѣтителей и взорвали укрѣпленія, окружающія городъ, что также было ими въ Москвѣ учинено съ Кремлемъ. Икона Смоленской Божіей Матери водворена опять въ свою обитель ровно три мѣсяца послѣ увезенія ея изъ Смоленска. Главнокомандующій Кутузовъ извѣщая армію о занятіи этого города нашими войсками, и о возвращеніи святой Иконы въ свое мѣсто напоминалъ слова Евангелія Луки (зач. 4.) которыя читаются на всѣхъ службахъ Богома-

тери. « Пребысть же Маріамъ съ нею яко три « мѣсяца и возвратися въ домъ свой. » Дѣйствительно было достойно примѣчанія что святая Икона сопровождала нашу армію, ровно три мѣсяца, съ нею оставила Смоленскъ и съ нею туда вступила. Это обстоятельство, еще болѣе убѣдило вѣрный Русскій народъ въ томъ что наше правое дѣло находится подъ особымъ покровительствомъ Неба.

Я отправился въ Москву по той же усѣянной трупами дорогѣ: чрезъ Смоленскъ, Дорогобужъ, Вязьму, Гжатскъ, и Можайскъ, опустошенные пожарами и грабительствомъ. Каждый шагъ по этой огромной могилѣ, возобновлялъ во мнѣ воспоминанія, еще свѣжія и живыя. Вездѣ встрѣчалъ я тысячи подводъ, нагруженныхъ мертвыми тѣлами къ сожженію. Не могъ я удержаться отъ слезъ при видѣ столь горестнаго зрѣлища. О, думалъ я, еслибъ гордый завоеватель, который погубилъ столь ужасное множество жертвъ, изъ своихъ властолюбивыхъ видовъ, могъ бы сосчитать всѣ капли слезъ, которыя прольются, когда вѣсть о злополучной кончинѣ этихъ несчастныхъ дойдетъ до друзей и родственниковъ ихъ, о! какое терзаніе готовитъ его сердцу такое множество проклинаній, которыя на него падутъ, и которыхъ онъ не можетъ даже заглушить славою блистательной удачи.

Я пріѣхалъ въ Москву 4-го Декабря: но Москва ли это была? Деревянные дома, которыхъ было прежде такъ много, большею частію изчезли! на мѣстѣ ихъ торчали большія голыя трубы, какъ огромные призраки. Каменные дома превращены въ безобразныя закоптѣлыя стѣны; Кремль взорванъ; церкви сожжены, или разграбленны и осквернены. Въ такомъ видѣ предстала глазамъ моимъ Москва *Бѣло-Каменная* въ Декабрѣ 1812 года. Но мы должны благословлять Провидѣніе; оно устроило все къ лучшему,—изъ развалинъ Москвы, Россія возникла могущественнѣе всѣхъ державъ Европейскихъ. Господь Богъ благословилъ кротость своего помазанника Императора Александра, который не величаясь успѣхомъ, пріобрѣтеннымъ его твердостью и Русскимъ оружіемъ, воздалъ всю славу Небесному Провидѣнію. Эта мысль руководила Императора Александра, когда онъ избралъ для медали выбитой въ память Кампаніи 1812 года надпись, которая была лозунгомъ всей отечественной войны:

Не намъ, не намъ, а имени Твоему.

Конецъ 1812 года и первой части.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

1813 ГОДЪ.

Съ нами Богъ, разумѣйте языцы,
яко съ нами Богъ.

Кто изъ военныхъ не испыталъ того блаженства которымъ наслаждаешся, когда, послѣ большихъ трудовъ, вдругъ очутишся подъ родительскимъ кровомъ, окруженнымъ всѣми спокойствами и прихотями жизни, и вмѣсто бивачнаго начлега въ снѣгу, спокоишся на мягкой постелѣ? Никогда я не испыталъ этого чувства въ такой степени какъ когда пріѣхалъ въ Москву и вступилъ въ родительскій домъ. Около двухъ мѣсяцовъ томился я голодомъ, ночи проводилъ на чистомъ воздухѣ въ трескучіе морозы, и могу сказать претерпѣлъ всѣ возможныя лишенія и недостатки. Путешествіе мое изъ Минска въ Москву было не менѣе тягостно самаго похода. Я ѣхалъ по разоренному краю, гдѣ встрѣчалъ безпрестанно остановку въ лошадяхъ; теплой квартеры и

пищи добыть было трудно тамъ гдѣ жителей почти не было; зима сдѣлалась суровая, одежда у меня была самая легкая, да и за деньги не гдѣ было бы купить простаго тулупа. Такимъ образомъ я цѣлыя три недѣли тащился до Москвы, на почтовыхъ. Но за то уже какое раздолье въ отцовскихъ хоромахъ. Отогрѣлся, выкормился, упокоился, забылъ минувшія страданія и готовъ уже опять итти бороться съ стихіями и опасностями всякаго рода. О военная жизнь! сколько ты сладка.... воспоминаніями.

Кампанія 1813 года не могла открыться прежде весны; слѣдовательно у меня было довольно времени: но какъ я рѣшился ѣхать на почтовыхъ лошадяхъ только до границы, а оттуда продолжать путь на своихъ, то я оставилъ Москву около половины Февраля съ намѣреніемъ явиться прямо въ свой полкъ. Для этого я поѣхалъ на Бѣлостокъ, Варшаву и Дрезденъ. Перемѣны, совершенныя успѣхами нашего оружія казались мнѣ сновидѣніемъ. Въ шесть мѣсяцевъ, мы перешли изъ затруднительнаго положенія, которому никто не могъ предвидѣть такой скорой и блистательной развязки, въ самое сердце Германіи. Съ какимъ уваженіемъ, и даже восторгомъ, принимали тогда Русскихъ офицеровъ жители этой Германіи, которые послѣ долгаго угнетенія подъ

игомъ Наполеона видѣли въ насъ будущихъ избавителей и людей, показавшихъ первый примѣръ сопротивленія *непобѣдимому*. Впрочемъ должно отдать справедливость побѣдителямъ: они были достойны такого лестнаго пріема, въ нихъ вовсе небыло того хвастовства, которое даже извинительно послѣ подобныхъ торжествъ; Русскій офицеръ и солдатъ умѣютъ воздавать Богу, что принадлежитъ Богу, и Кесарю то, что принадлежитъ Кесарю.

Узнавъ въ Дрезденѣ, что Кіевскій драгунскій полкъ, въ которомъ я служилъ, стоитъ въ Цвикау, Саксонскомъ городѣ, лежащемъ за 14 миль, я прямо туда отправился и явился къ моему начальнику Генералъ-маіору Емануелю, который принялъ меня чрезвычайно ласково, и предложилъ остаться при немъ. Я не могъ пожелать ничего лучшаго, и почиталъ счастіемъ учиться военному дѣлу подъ руководствомъ такого опытнаго наставника. Я поспѣлъ къ самому началу военныхъ дѣйствій; черезъ нѣсколько дней произошла Люценская битва, которая не имѣла для нашего отряда другихъ послѣдствій, кромѣ отступленія къ Дрездену - куда шла вся Прусско-Россійская армія.

Для яснѣйшаго уразумѣнія событій, необходимо бросить взглядъ назадъ. Наполеонъ, избѣгнувъ участи, которая ожидала его при переправѣ черезъ Березину, и видя, что его

присутствіе болѣе не нужно для погибающей арміи, оставилъ ее на произволъ бѣдственной судьбы и поспѣшилъ въ Парижъ, чтобы употребить всѣ средства для образованія войска и отразить наши покушенія, неизбѣжныя послѣ тѣхъ огромныхъ успѣховъ, которые мы получили. Его дѣятельность и снисходительность Сената, который по его волѣ издавалъ законы о наборѣ нужнаго числа конскриптовъ, создали въ непродолжительное время новую армію, впрочемъ бѣдную конницей. Кавалерія его большею частію погибла въ Россіи; — извѣстно, что труднѣе образовать кавалерію чѣмъ пѣхоту и легче замѣнить людей, чемъ лошадей. Зима съ 1812 на 1813 годъ была употреблена на образованіе и сосредоточеніе новой арміи; въ Апрѣлѣ, она уже была готова къ выступленію въ походъ, подъ личнымъ предводительствомъ своего Императора. Въ это время, Пруссія присоединилась къ Россіи для общихъ усилій въ войнѣ противъ честолюбія одного человѣка. Начало кампаніи ознаменованное сраженіемъ при Люценѣ, послѣ котораго послѣдовало отступленіе союзныхъ войскъ къ Дрездену, должно было сообщить болѣе увѣренности къ самимъ себѣ Французскимъ конскриптамъ и возвысить надежды Наполеона: онъ снова видѣлъ себя побѣдителемъ и начальникомъ арміи, созданной какъ бы волшебствомъ.

Вмѣстѣ съ приказаніемъ ретироваться на Дрезденъ, Генералу Емануелю дано было порученіе прикрывать съ своимъ отрядомъ переправу войскъ, которыя должны были переходить через Эльбу по лодочному мосту, составленному нарочно для этой цѣли нѣсколько повыше города. По ту сторону Дрездена, внизъ по теченію, былъ устроенъ такой же мостъ. Непріятель направилъ всѣ свои усилія на этотъ послѣдній пунктъ для овладѣнія переправою. Наша позиція съ лѣвой стороны была очень крѣпка и отъ того Французы не слишкомъ на нее нападали, но здѣсь случилось одно замѣчательное происшествіе, которое представляетъ такое странное соединеніе счастія съ несчастіемъ, что я не могу устоять противъ желанія передать его читателямъ. Я думаю, что въ лѣтописяхъ войны нельзя встрѣтить другаго столь же необыкновеннаго событія.

Когда войска перешли черезъ мостъ, котораго защита была намъ ввѣрена, на той сторонѣ рѣки оставался еще баталіонъ Шлиссельбургскаго полка въ редутѣ, служившемъ къ прикрытію переврамы. Въ то самое время какъ я отвезъ ему приказъ, оставить укрѣпленіе, начальникъ понтонной роты, который по должности своей, обязанъ былъ разрушить переправу, по прекращеніи въ ней надобности, обратился къ генералу Емануелю, и спросилъ,

не прикажетъ ли онъ подрубить канаты и зажечь мостъ. Баталіонъ Шлюссельбургскаго полка въ это мгновеніе началъ только по немъ переходить чрезъ Эльбу. Генералъ замѣтилъ ему, что на мосту находится еще цѣлый баталіонъ пѣхоты, но понтонный штабъ-офицеръ, отвѣчалъ, что баталіонъ успѣетъ перейти пока будутъ зажигать и подалъ знакъ своимъ людямъ, чтобы они приступили къ дѣлу. Пусть себѣ представятъ зрѣлище, которое вдругъ явилось нашимъ взорамъ. Я не въ состояніи выразить нашего ужаса. Какъ скоро по зажженіи, канаты были подрублены, сила теченія Эльбы привела плашкоты въ безпорядокъ, доски переломались и разошлись сами собою; огонь мигомъ охватилъ горючія вещества, расположенныя вдоль по мосту, и батальонъ Шлиссельбургскаго полка былъ окруженъ пламенемъ. Положеніе нещастныхъ воиновъ, осужденныхъ на неминуемую погибель отъ огня или воды, было тѣмъ ужаснѣе, что никакъ не льзя было подать имъ помощи. Спасеніе казалось невозможнымъ, и намъ зрителямъ, предстояло смотрѣть, сложа руки, на погибель этихъ несчастныхъ воиновъ, которымъ оставалось только избрать родъ смерти, и предпочтительно утопиться, дабы избавиться адскаго мученія огня. Но чего не можетъ совершить Богъ тамъ, гдѣ силы человѣка ничтожны! — Въ этой роковой

крайности, одинъ солдатъ, болѣе другихъ предпріимчивый, бросается съ моста въ воду, не оставляя ни ружья ни ранца. Вотъ, бездна такъ и поглотитъ нещастнаго, думали мы. Но нѣтъ: къ всеобщему нашему изумленію вода дошла ему только до плечь. Неужели на этомъ самомъ мѣстѣ Эльбы, столь быстрой и глубокой, есть бродъ? Видъ солдата, который шелъ въ водѣ и безпрепятственно приближался къ берегу, перемѣнилъ вопли ужаса въ радостныя восклицанія. Въ одно мгновеніе цѣлый батальонъ бросился въ рѣку, и мы имѣли счастіе быть свидѣтелями его спасенія; не только люди, но и самая аммуниція уцѣлѣла вся безъ исключенія. Такая неожиданная развязка заставила насъ забыть о неосторожности, которая едва не причинила величайшее бѣдствіе, и мы предались радости, возбужденной чудеснымъ спасеніемъ пяти сотъ храбрыхъ сподвижниковъ нашихъ. Князь Владиміръ Сергѣевичъ Голицынъ, который не знаю по какому случаю попался въ эту сумятоху, вынесъ на своихъ плечахъ заслуженнаго командира Шлюссельбургскаго полка, полковника съ сѣдинами, и украшеннаго орденами св. Георгія 4-й степени, и св. Владиміра 3-й; начальникъ же понтонной роты, который такъ неосторожно распорядился въ преждевременномъ истребленіи моста, едва не сдѣлался жертвою своей поспѣшности, стоя на краю моста и

облокотившись на перилы, онъ покатился головою внизъ на дно Эльбы какъ только подрубили канаты, и его съ трудомъ привели въ память. — Чѣмъ болѣе я размышляю объ обстоятельствахъ этого происшествія, тѣмъ болѣе желаю уподобить его тому чуду, силою котораго волны Чермнаго моря разверзлись нѣкогда для избраннаго народа. Даже окрестные жители не знали, что въ этомъ мѣстѣ есть бродъ; піонеры, которые наводили мостъ никакъ не подозрѣвали его существованія: имъ однакожъ не льзя было не замѣтить его, еслибъ онъ прежде находился здѣсь, подъ ихъ ногами. Для чего было наводить мостъ тамъ, гдѣ въ немъ непредстояло ни какой надобности, гдѣ можно переходить въ бродъ, и гдѣ само разрушеніе переправы не остановило бы непріятеля, преслѣдующаго насъ въ случаѣ отступленія? сверхъ того, это было весною, когда снѣга, тающіе на горахъ Саксонской Швейцаріи и Богеміи, подымаютъ воду во всѣхъ рѣкахъ, и особенно въ Эльбѣ. Но въ военное время, когда отъ переправы зависитъ участь цѣлой арміи, могутъ ли броды — на такой рѣкѣ какъ Эльба — не быть извѣстными? Какимъ же образомъ существованіе этого брода было неизвѣстно самимъ жителямъ? Пусть толкуютъ чудесное спасеніе нашихъ товарищей, какъ хотятъ, все таки, по крайней мѣрѣ для меня въ этомъ

происшествіи таится что-то сверхъестественное, чего я не могу объяснить безъ предположенія особенной милости Божіей. И кто знаетъ? можетъ быть милосердый Богъ сострадая объ этихъ воинахъ, столь храбро сражавшихся за вѣру, Царя и отечества, погибающихъ отъ неосторожности одного человѣка, не захотѣлъ допустить ихъ погибели и создалъ этотъ бродъ на эту пору единственно для спасенія ихъ. Все возможно Богу. И кто знаетъ не воспарила-ли тогда изъ сердца одного изъ этихъ погибающихъ воиновъ краткая, но теплая и исполненная упованія молитва, словомъ сказать, такая молитва, которая прямо летитъ къ престолу Божьему, и была причиною того чуда, которое должно было ихъ всѣхъ спасти. Пусть обвиняютъ меня въ суевѣріи, но это происшествіе останется, по моему мнѣнію, непостижимымъ, если мы не допустимъ здѣсь сверхъестественное. Я сожалѣю, что мнѣ не удалось узнать впослѣдствіи, существуетъ-ли этотъ бродъ по-сю-пору, или исчезъ послѣ нашего перехода, какъ явился неожиданно для сохраненія горсти храбрыхъ защитниковъ праваго дѣла и одушевленія остальныхъ упованіемъ на помощь Неба.

Послѣ этого событія, которое глубоко насъ поразило, мы продолжали отступать къ Бишофсвердену; дорогою Генералъ Емануель замѣ-

шилъ мнѣ, что въ военномъ дѣлѣ нельзя имѣть слишкомъ много опытности, и что излишнее довѣріе къ другимъ можетъ быть источникомъ событій, самыхъ непредвидимыхъ и самыхъ гибельныхъ по своимъ слѣдствіямъ. На другой день, генералъ нашъ получилъ приказаніе образовать летучій отрядъ и итти съ нимъ къ горной цѣпи, замыкающей равнину, которая простирается отъ Дрездена до Силезіи. Съ высоты этихъ горъ мы должны были наблюдать за движеніями непріятеля, и каждый день доносить Главнокомандующему. Назначеніе было очень важно, потому что оно ставило нашъ отрядъ съ боку Французской арміи, и давало намъ возможность дѣйствовать ей въ тылъ и слѣдовать за малѣйшими ея движеніями. Недостатокъ кавалеріи не позволялъ непріятелю всегда рекогносцировать свой правый флангъ, и потому онъ не скоро открылъ новыхъ аргусовъ, которые были отъ него такъ близко. Мы продолжали наблюденія до самой Бауценской битвы; но присутствіе наше въ горахъ не могло на всегда оставаться неизвѣстнымъ, и Французы выслали сильный отрядъ, чтобы насъ вытѣснить изъ горъ. Но это имъ не удалось. Мы имѣли съ нимъ жаркія схватки 29 Апрѣля при Вейсигѣ, 30-го при Штолпенѣ, 6 и 7 Мая подъ Нейкирхеномъ. Не смотря на этѣ встрѣчи, цѣль наша была достигнута. Мы собирали достовѣрныя свѣдѣнія

о движеніяхъ непріятельской арміи и доставляли ихъ въ главную квартиру. 8-го и 9-го Мая произошло генеральное сраженіе на поляхъ Бауценскихъ, и нашему отряду удалось сдѣлать счастливую диверсію противъ праваго непріятельскаго фланга, которая содѣйствовала къ уничтоженію его усилій съ этой стороны. Здѣсь я могъ удостовѣриться что генералъ Емануель рожденъ для военнаго ремесла. 8-го Мая наблюдая съ высоты горъ за движеніями непріятеля, нашъ генералъ сдѣлался внезапно боленъ. Сильное разстройство желудка сопровожденное рвотою, заставляло насъ безпокоиться не только о здоровьи нашего начальника, но и участи нашего отряда, которымъ никто не былъ бы въ состояніи распоряжаться, если бы недугъ имъ овладѣлъ.—Мы находились на вершинѣ горъ, когда генералу здѣлалось дурно. Въ то самое время, сильный отрядъ непріятельской былъ направленъ противъ насъ, и уже было видно какъ онъ подымается на гору и приближается къ намъ. Я пристально смотрѣлъ на своего генерала, и готовился доложить ему объ угрожающей намъ опасности, но онъ не смотря на свою болѣзнь несмыкалъ глазъ и наблюдалъ за движеніемъ непріятеля. Вдругъ засвистали пули мимо ушей нашихъ; уже непріятель отдаленъ отъ насъ только на пистолетный выстрѣлъ, какъ вдругъ

генералъ Емануель какъ будто оживленный свистомъ пуль, встаетъ съ бодрымъ видомъ, садится на лошадь, подъѣзжаетъ къ своему отряду, дѣлаетъ нужныя распоряженія, и атакуетъ непріятеля котораго обращаетъ въ бѣгство. Съ того времени и рвота прекратилась и болѣзнь прошла. Не всѣмъ удается такими средствами вылѣчиваться.

Во время нахожденія моего въ летучемъ отрядѣ, я неоднократно имѣлъ случай удивляться вѣрности взгляда и воинской смѣтливости нашего генерала. Съ возвышеній, которыя мы занимали, можно было обозрѣть всю обширную долину, покрытую Французскими войсками. Ни одно ихъ движеніе не избѣгало отъ нашего начальника: онъ не выпускалъ изъ рукъ зрительной трубы и ни разу не ошибся въ предположеніяхъ своихъ, относительно цѣли переходовъ. Гонцы отправлялись по нѣскольку разъ въ день въ главную квартиру, съ подробными донесеніями о томъ, что происходило у непріятеля. Генералъ Довре, въ то время начальникъ штаба арміи, говорилъ мнѣ впослѣдствіи, что свѣдѣнія, доставленныя нами, принесли великую пользу. Такимъ образомъ мы шли съ боку Наполеоновой арміи до Силезіи, и имѣли еще нѣсколько встрѣчь съ непріятелемъ, какъ то: подъ Рейхенбахомъ, гдѣ убитъ другъ Наполеона Дюрокъ, и при Стригау въ Силезіи.

Провидѣнію, безъ сомнѣнія, угодно было ослѣпить Наполеона на счетъ опасности его положенія: оно дозволило ему пожать новые лавры и битва при Бауценѣ заставила нѣсколько времени думать, что звѣзда его, затмившаяся въ кампаніи 1812 года, взойдетъ съ новымъ блескомъ въ 1813. Мы продолжали наше отступленіе на Силезію, и тутъ узнали, что переговоры идутъ о заключеніи перемирія. Оффиціальное о томъ извѣстіе пришло къ намъ между Стригау и Яуеромъ. Отряду Генерала Емануеля поручено было охранять передовыя линіи, такъ, что мы не воспользовались даже тѣми удобствами, которыя имѣла цѣлая армія, расположенная на хорошихъ квартирахъ. Намъ пришлось стоять на бивакахъ, на пограничной чертѣ въ продолженіе всего перемирія. Мы находились въ странѣ, богатой превосходными мѣстоположеніями, и при томъ въ самое лучшее время года. Съ согласія моего генерала я сдѣлалъ небольшое путешествіе къ Исполинскимъ горамъ, Riesen-Gebierge, которыхъ тишина и романтическіе виды внушали задумчивость и поражали меня разительной противоположностью съ бурнымъ образомъ нашей военной жизни. Я посѣтилъ Гиршбергъ, Грейффенбергъ, Швейдницъ, Глацъ, Рейхенбахъ, и проѣхалъ даже до Ландеккскихъ минеральныхъ водъ, гдѣ въ то время были Ихъ Величества Импе-

раторъ Александръ и Король Прусскій. Множество офицеровъ всѣхъ чиновъ пріумножили блистательное общество, собравшееся на водахъ. Мы сходились всякій вечеръ въ танцовальной залѣ. На одномъ изъ этихъ вечеровъ я имѣлъ счастіе въ первый разъ видѣть юную принцессу, дочь Его Величества Короля Прусскаго, нынѣшнюю Императрицу Всероссійскую. Она ослѣпляла своей красотою. Императоръ Александръ сдѣлалъ съ ней нѣсколько круговъ вальса. Тайное предчувствіе говорило намъ, что родственный союзъ царствующихъ домовъ Россіи и Пруссіи скрѣпитъ связи, соединявшія въ то время двѣ великія державы. Я имѣлъ счастіе обратить на себя вниманіе Его Величества Короля Прусскаго, который нѣсколько разъ удостоивалъ меня своего разговора и спрашивалъ объ участіи, какое я принималъ въ кампаніи, 1812 года, и въ новой кампаніи, прерванной перемиріемъ.

Эта прогулка по веселой и прекрасной Силезіи будетъ всегда въ числѣ моихъ самыхъ пріятныхъ воспоминаній. Но труба войны уже призывала насъ къ новымъ битвамъ, и я поспѣшилъ къ своему храброму и достойному начальнику. Между тѣмъ, послѣ прекращенія переговоровъ въ Прагѣ, Австрія положила на вѣсы свое могущественное содѣйствіе. Такимъ образомъ,

всѣ народы, желавшіе свергнуть съ себя иго Наполеона, соединялись съ Русскими.

Когда срокъ перемирія кончился, мы перешли черезъ демаркаціонную линію и первая наша встрѣча съ непріятелемъ была при Цобтенѣ на Бобрѣ 7-го Августа. Сраженія нашего Авангарда съ корпусомъ Макдональда принадлежитъ къ числу самыхъ упорныхъ и жаркихъ дѣлъ, въ которыхъ мнѣ случилось находиться. Мы отбили весь обозъ Французскаго Маршала. Я забылъ упомянуть, что со времени возобновленія военныхъ дѣйствій, нашъ отрядъ составлялъ часть авангарда корпуса графа Ланжерона, котораго войска принадлежали къ Силезской арміи, бывшей подъ командою Блюхера. Послѣ Цобтенскаго дѣла, мы приблизились къ главнымъ силамъ союзной арміи, которыя оставались въ значительномъ разстояніи назади; для этой цѣли, мы отступили къ Голдбергу, гдѣ имѣли 11-го Августа жаркую схватку съ непріятелемъ, который и здѣсь, какъ при Цобтенѣ, превосходилъ насъ числомъ. Но день генеральной битвы былъ близокъ, и мы снова отретировались къ Кацбаху, рѣчкѣ, которая сходитъ съ горъ, и омываетъ долину того-же имени. Съ самаго возобновленія войны, погода дѣлалась часъ-отъ-часу хуже; дождь лилъ не преставая, мы всѣ были промочены до костей, но сушиться было нѣкогда. Отъ 7 до 14 Авгу-

ста всѣ усилія непріятеля были исключительно направлены противъ нашего арріергарда, состоявшаго изъ двухъ полковъ егерей, трехъ полковъ кавалеріи и 12 орудій. Эти войска, въ особенности пѣхота, были чрезвычайно утомлены не столько переходами, сколько отъ дурной погоды, при которой они безпрерывно должны были отражать превосходныя силы непріятеля. Въ такомъ состояніи находились они 14 Августа. На разсвѣтѣ этого дня, не смотря на дождь, который шелъ сильнѣе обыкновеннаго, мы завязали съ непріятелемъ дѣло, превратившееся къ вечеру въ общее сраженіе. Отступая по немногу, мы довели Французовъ до самыхъ линій Силезской арміи, состоявшей изъ корпусовъ, Іорка, Ланжерона, и Сакена, и расположенной на Кацбахской равнинѣ. Нашъ отрядъ занималъ крайнюю оконечность лѣваго крыла, которая прислонена была къ горѣ, покрытой лѣсомъ. Перемокшія ружья отказывались служить союзникамъ; вся честь принадлежала артиллеріи, конницѣ и холодному оружію. Кавалерія генерала Васильчикова разбивала цѣлыя карре на правомъ крылѣ и отняла у непріятеля около ста орудій. Но положеніе лѣваго становилось часъ-отъ-часу затруднительнѣе, я уже сказалъ, что защита этого важнаго пункта была ввѣрена войскамъ арріргарда, измученнымъ усталостью и битвами, которыя

они выдержали въ теченіе недѣли. Къ вечеру, Французы повели съ этой стороны атаку съ такою стремительностью, что наша пѣхота пришла въ замѣшательство и подалась назадъ. Все зависѣло отъ одного рѣшительнаго мгновенія; непріятель, овладѣвъ холмами, которые съ лѣвой стороны, господствовали надъ всею нашею позиціею, могъ поставить на нихъ баттареи, стрѣлять вдоль по линіи, и принудить ее къ отступленію, не смотря на всѣ успѣхи праваго крыла. Надобно было удержать эти холмы за нами, чего бы то ни стоило. Не имѣя ни подкрѣпленій, ни резервовъ, генералъ Емануель замѣнилъ ихъ своимъ мужествомъ и рѣшительностью. Онъ приказалъ 2-му Украинскому казачьему полку, подъ начальствомъ Князя Щербатова, занять лѣсъ позади нашей пѣхоты и рубить всякого пѣхотинца, который покусится пробираться сквозь эту цѣпь. Въ то же время, съ своими офицерами, бросается онъ долой съ коня, собираетъ утомленныхъ стрѣлковъ, ободряетъ своимъ примѣромъ; войско, при крикахъ ура! стремительно атакуетъ непріятеля въ штыки, и принуждаетъ его къ отступленію. Надобно было видѣть этотъ прекрасный подвигъ для того, чтобы судить объ его чудесномъ дѣйствіи и о вліяніи, какое имѣетъ на солдата примѣръ начальника. При этомъ случаѣ, подо мною убита

лошадь. Наконецъ усилія наши увѣнчались успѣхомъ, но критическое положеніе нашего лѣваго фланга въ самую рѣшительную минуту битвы, и способъ, которымъ оно было исправлено, остались неизвѣстными, потому что генералъ Емануель, соединяя мужество съ скромностью, дѣлалъ свое дѣло и не хвасталъ.

Я долженъ здѣсь принести дань уваженія памяти полковника Пародовскаго, командира Лифляндскаго конноегорскаго полка, одного изъ храбрыхъ, падшихъ на поляхъ Коцбаха. Казалось, само небо остерегало этого неустрашимаго офицера, отъ участи, которая его ожидала: въ Цобтенскомъ дѣлѣ, ядро упало у самыхъ ногъ его, и совершенно покрыло его землею; при Голдбергѣ, надъ головою его лопнула граната, которая сильно его оконтузила и обезобразила. Въ Кацбахскомъ сраженіи, ядро оторвало у него голову. Миръ его славному праху!

Принужденная къ отступленію Французская армія съ трудомъ могла совершить его въ порядкѣ, по причинѣ разлива рѣчки, поднятой безпрерывными дождями. Это обстоятельство доставило намъ на другой день новый успѣхъ при Пильграмедорфѣ, гдѣ Кіевскій драгунскій полкъ отбилъ у непріятеля семь орудій. Отступленіе Французской арміи становилось болѣе и болѣе затруднительнымъ, отъ разлива

рѣкъ и дурнаго состоянія дорогъ испорченныхъ дождями. Переправа ея чрезъ Бобръ обѣщала намъ новую побѣду. Въ самомъ дѣлѣ 17 Августа, нашъ авангардъ въ соединеніи съ корпусомъ князя Щербатова заставилъ Французскую дивизію Генерала Пюто положить оружіе, и уступить намъ всю свою артиллерію и обозъ. Мы продолжали преслѣдованіе чрезъ Герлицъ до самаго Рейхенбаха, но здѣсь непріятель началъ вдругъ дѣйствовать наступательно, и отбилъ бы у насъ орудія, если бы Кіевскій драгунскій полкъ не бросился въ атаку, и не обратилъ въ бѣгство Французскихъ кирасировъ. Это служило признакомъ присутствія Наполеона, который желая исправить Кацбахскую неудачу, спѣшилъ сразиться съ нами. Но уничтоженіе корпуса Вандамма Россійскою гвардіею случившись въ это самое время, принудило его возвратиться снова туда гдѣ его дѣла настоятельно требовали его присутствія.

Пострадавъ много отъ дурной погоды, я заболѣлъ лихорадкою, что заставило меня отказаться на нѣсколько времени отъ участія въ трудахъ моихъ сослуживцевъ. Получивъ позволеніе остаться для поправленія здоровья, я поселился до совершеннаго выздоровленія въ Яуерѣ, небольшомъ Силезскомъ городѣ. Горячка удержала меня въ постелѣ цѣлый мѣсяцъ, оправившись отъ недуга и предвидя великія со-

бытія, я поспѣшилъ возвратиться къ моему мѣсту; но по невозможности пробраться черезъ Дрезденъ, занятый непріятелемъ, долженъ былъ сдѣлать большой объѣздъ на высшую Лузацію. Къ величайшей досадѣ, я прибылъ въ армію въ ночь, которая послѣдовала за знаменитою Лейпцигскою битвою, однако я успѣлъ еще принять участіе въ подвигѣ, безпримѣрномъ въ лѣтописяхъ войны и котораго вся честь принадлежитъ генералу Емануелю.

Въ качествѣ начальника авангарда, генералъ нашъ имѣлъ обыкновеніе лично обозрѣвать положеніе непріятеля: на другой день послѣ Лейпцигскаго сраженія, онъ, исполняя эту добровольную обязанность, отправился за аванпосты, имѣя при себѣ только капитана Кюбеля, поручика Зельмицъ, меня, и восемь кавалеристовъ для прикрытія. Мы проѣхали вдоль по берегамъ Эльстера сколько было нужно нашему начальнику для его наблюденій и уже поворотили назадъ, когда замѣтили двухъ человѣкъ, которые старались пробраться на противуположный берегъ по обломкамъ разрушеннаго моста, состоявшаго изъ поперечныхъ перекладинъ; одинъ изъ нихъ старался провести свою лошадь, которая поскользнулась, упала и изчезла въ волнахъ. Генералъ Емануель подскакалъ къ мосту и угрозами принудилъ незнакомцевъ перейти снова на нашу сторону и сдаться.

Одинъ изъ плѣнниковъ разстегнулъ шинель, показалъ намъ свои знаки отличія, и объявилъ, что онъ Генералъ Лористонъ. Мы поскорѣе его взяли съ собою. Не далеко оттуда намъ представилась довольно широкая улица Лейпцигскаго предмѣстія, которая пересѣкала нашу дорогу. Въ то самое время, какъ мы собирались чрезъ нее переѣхать, мы увидѣли Французскій баталіонъ, который шелъ въ величайшемъ порядкѣ, съ заряженными ружьями. Впереди находилось человѣкъ двадцать офицеровъ. Когда мы взаимно усмотрѣли другъ друга, мы остановились; къ счастію нашему, извилины тропинки по которой мы ѣхали, и деревья, бывшія съ той стороны откуда шелъ баталіонъ, скрывали нашу малочисленность. Генералъ Емануель, смекнувъ сей часъ, что тутъ надобно дѣйствовать рѣшительно, пользуясь замѣшательствомъ произведеннымъ между Французами нашимъ неожиданнымъ появленіемъ, закричалъ имъ стенторовымъ голосомъ: *Bas les armes:* «Бросайте оружье.» Изумленные офицеры начали совѣтоваться между собою, но нашъ неустрашимый генералъ видя ихъ колебаніе, не далъ имъ времени размышлять и закричалъ имъ снова: *Bas les armes ou point de quartier*: «бросайте оружье, не то вамъ пощады не бу-«детъ.» И въ то же мгновеніе махая саблею, обратился съ удивительнымъ присудствіемъ

духа къ своему малочисленному отряду, какъ будто для того, чтобы скомандовать намъ атаку. Но эта угроза произвела свое дѣйствіе, и вдругъ всѣ Французскіе ружья упали на землю какъ по волшебству. Тогда всѣ офицеры предводимые маіоромъ Ожеро, братомъ маршала, поднесли намъ свои шпаги. Но, принять ихъ было нѣкому, и генералъ сказалъ имъ съ благородствомъ, что онъ вѣритъ ихъ чести, и оставилъ шпаги при нихъ. Тронутые такимъ знакомъ довѣренности, офицеры съ плѣннымъ батальономъ, по приказанію генерала, пошли впереди насъ. Мѣра необходимая чтобы скрыть отъ нихъ нашу малочисленность. Въ такомъ порядкѣ мы дошли до нашихъ аванпостовъ, отъ которыхъ удалились-было на значительное разстояніе: достигнувъ до лагеря, мы могли подумать на досугѣ объ опасности, отъ которой насъ чудеснымъ образомъ избавило присутствіе духа и отвага нашего Генерала. Если бы одному изъ нашихъ плѣнниковъ вздумалось насъ пересчитать, мы бы погибли.

Лористонъ, углубленный въ размышленія во время страннаго шествія слишкомъ четырехъсотъ человѣкъ, положившихъ оружіе предъ двѣнадцатью Русскими, обратился къ нашему начальнику съ вопросомъ. » Кому я имѣлъ честь отдать свою шпагу ? »—« Вы имѣли честь сдать-« ся, отвѣчалъ онъ, Русскому генералъ маіору

« Емануелю, командиру на этотъ разъ только « трехъ офицеровъ и восьми кавалеристовъ. » Надобно было видѣть досаду и отчаяніе Лористона и всѣхъ Французовъ. Взятые нами плѣнные приводили въ большее затрудненіе нашего генерала, которому надобно было итти далѣе. Узнавъ что Ихъ Величества, Императоръ Россійскій и Король Прусскій, находятся со всѣмъ своимъ штабомъ на большой Лейпцигской площади, онъ представилъ самому Императору бывшаго Французскаго посла въ Россіи. Послѣ торжественнаго пріема при Россійскомъ дворѣ, теперешнее представленіе должно было быть горестно его сердцу. Но Императоръ Александръ, своею ласковостью и добротою облегчилъ ему тягость столь несчастнаго положенія. Лейпцигская побѣда была ознаменована безчисленнымъ множествомъ трофеевъ и вѣроятно по этой причинѣ наши были едва замѣчены, даже этотъ прекрасный подвигъ долго оставался неизвѣстнымъ.

Если я рѣшусь издать когда нибудь эти очерки на Французскомъ языкѣ, то для того чтобы сдѣлать извѣстными иностранцамъ всѣ подробности этого происшествія. Французскіе писатели всегда превозносятъ до небесъ подвиги своихъ соотечественниковъ, и не охотно отдаютъ справедливость иноземцамъ, а особливо Русскимъ. Въ числѣ этихъ писателей на-

ходишся Французскій генералъ Гильомъ — Водонкуръ, который въ своемъ описаніи похода 1812 года, представляетъ вездѣ Русскихъ побѣжденными. По его разсказамъ, толпы *варваровъ, татаръ* (*) бѣгутъ при появленіи нѣсколькихъ Французовъ. Изъ его словъ надобно заключишь, что истребленіе и изгнаніе Французской арміи въ 1812 году есть послѣдствіе одержанныхъ ею побѣдъ. Не завидная же слава! Но господинъ Водонкуръ подчивалъ насъ баснями, а я его угощаю исторіею. — Корпусный командиръ, Маіоръ, двашцать офицеровъ, башальонъ изъ 400 человѣкъ побѣдоносной Наполеоновой арміи, положили оружіе передъ однимъ генераломъ *варваровъ* съ одиннадцатью *татарами.* Войска же эти принадлежали столь прославляемой *большой арміи:* и въ этомъ случаѣ нельзя приписать *морозу* всю славу нашей побѣды.

Преслѣдованіе непріятеля отъ Лейпцига до Франкфурта не представляетъ ничего замѣчательнаго: Французская армія была въ совершенномъ разстройствѣ. Баварцы, соединившіеся въ то время съ нами, готовили своимъ прежнимъ союзникамъ въ Ганау пріемъ, который долженъ былъ напомнить Березину. Но Наполеонъ прошелъ невредимо, потому намъ суж-

(*) Такъ онъ насъ называетъ.

дено было завѣщать нашимъ внукамъ еще компанію 1814 года, а мнѣ написать еще третью часть моихъ записокъ.

Франкфуртъ на Майнѣ представилъ въ эту эпоху такое блистательное собраніе монарховъ, принцевъ крови, военныхъ и дипломатическихъ знаменитостей, какъ до тѣхъ поръ нигдѣ не бывало. Казалось, праздновали освобожденіе Германіи. Однажды, прохаживаясь съ генераломъ Емануелемъ по улицамъ города мы встрѣтили Прусскаго Короля. Его Величество, сказавъ нѣсколько словъ генералу, пристально посмотрѣлъ на меня, и удостоилъ спросить, не тотъ ли я офицеръ, котораго онъ видѣлъ въ Ландеккѣ. Услышавъ отъ генерала Емануеля, что я служу подъ его начальствомъ, Король поздравилъ меня съ этимъ. Прусскій фельдмаршалъ Блюхеръ далъ вскорѣ послѣ того великолѣпный праздникъ въ Висбаденѣ, къ которому приглашены были всѣ офицеры его арміи. Стеченіе было слишкомъ велико, чтобы праздникъ этотъ могъ доставить большее удовольствіе. Онъ замѣчателенъ былъ только по обстоятельствамъ того времени.

Такъ какъ всѣ были увѣрены, что открытые тогда переговоры о мирѣ не будутъ имѣть никакихъ послѣдствій, то переправа Русской арміи черезъ Рейнъ назначена была 1 Января. Въ ожиданіи этого дня мы заняли

квартеры, въ мѣстечкѣ Гохгеймъ, который сообщилъ свое имя знаменитому вину. Такимъ образомъ кончилось второе дѣйствіе этой политической драмы, которой первое происходило въ нѣдрахъ Россіи въ 1812 году. Теперь исполинскими шагами мы приближаемся къ развязкѣ; описаніе третьяго и послѣдняго дѣйствія этихъ баснословныхъ событій, составитъ предметъ слѣдующей главы.

При видѣ всѣхъ народовъ которые за годъ передъ тѣмъ возставали противъ насъ а нынѣ присоединили свои усилія къ нашимъ для дѣйствія противъ общаго врага, не казалось ли, что мы имъ вразумили смыслъ слѣдующихъ словъ Священнаго писанія:

Съ нами Богъ, разумѣйте языцы,
и покаряйтеся яко съ нами Богъ.

Конецъ второй части и 1813 года.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ.

1814 ГОДЪ.

Si Deus pro nobis, quis contra nos.
Аще Богъ за ны, кто на ны.

Восхитительные берега Рейна, гдѣ мы обитали уже нѣсколько времени, заставили насъ забыть прежнія страданія: и когда мы сравнивали эту спокойную жизнь середи виноградниковъ и сельскихъ картинъ съ тѣмъ, что мы вынесли за годъ въ родныхъ снѣгахъ въ страшную эпоху истребленія Французской арміи, невозможно не возблагодарить небо за всѣ милости, которыя оно излило на насъ, и за то, что мы родились въ вѣкѣ, который, кромѣ разнообразія дивныхъ происшествій, представлялъ намъ спасительный урокъ, показывающій, что Провидѣніе управляетъ всѣмъ на свѣтѣ, и

что должно благоговѣть передъ нимъ, хотя пути его для насъ часто непостижимы.

Мы перешли Рейнъ 1 Января 1814 года, между Кобленцомъ и Майнцомъ, въ Каубѣ (Caub) самомъ живописномъ краю, какой только можно себѣ представить. Нашъ отрядъ былъ причисленъ къ корпусу генерала Графа Сен-при, назначенному для блокады Майнца. Такая будущность не очень намъ нравилась; она представляла мало славы и много скуки, между тѣмъ какъ остальная часть арміи шла пожинать лавры въ самомъ сердцѣ Франціи. Но на войнѣ ни за что отвѣчать нельзя: сего дня не знаешь, что будетъ завтра и событія располагаются иногда такимъ образомъ, что производятъ результаты, совершенно противные тѣмъ, которыхъ ожидаешь. Мы перешли Рейнъ въ одно время съ корпусомъ генерала Олсуфьева, который шелъ принять участіе въ событіяхъ, приготовляющихся во Франціи, между тѣмъ какъ мы должны были оставаться почти въ бездѣйствіи, блокируя крѣпость перваго ранга, которую даже не намѣревались осаждать. Отъ этого различнаго положенія происходили, съ одной стороны радость, съ другой сожалѣнія. Отправляющіеся объ насъ жалѣли, а мы имъ завидовали. Но происшествія войны скоро измѣнили наши роли. Этотъ самый генералъ Олсуфьевъ былъ взятъ въ плѣнъ съ цѣлою ди-

визіею при Шанпъ-Оберѣ (Champ-Aubert) а мы, одни изъ первыхъ приближались къ Парижу, и я, между прочимъ, выдержалъ первые выстрѣлы, раздавшіеся на стѣнахъ его вечеромъ 17 Марта.

Блокада Майнца занимала насъ до конца Января и во все это время не случилось ничего такого, что̀ бы стоило разсказывать: непріятель даже не пытался безпокоить насъ вылазками. Зима была довольно суровая для той страны и по Рейну шло много льду.

Во Франціи, дѣла̀ шли съ перемѣнными успѣхами. Наполеонъ, въ критическомъ своемъ положеніи, истощалъ всѣ средства воинскаго своего генія, чтобы нейтрализировать дѣйствія союзныхъ армій, предводимыхъ Княземъ Шварценбергомъ и Блюхеромъ и, пользуясь искусно нашими ошибками, прервалъ всѣ сообщенія между ними. Чтобы возстановить эти сообщенія, необходимъ былъ отдѣльный корпусъ, который бы содержалъ связь между той и другой. Для этого назначили корпусъ Графа Сен-При, усиленный одною Прускою дивизіею съ артиллеріею, подъ командою генерала Ягова.

Въ концѣ Января мы сняли блокаду Майнца и пошли на Нанси, Гулъ, Сен-Дизіѐ, Витри и Шалонъ-арнѣ, куда явились около половины Февраля. Въ Сен-Дизіе мы сдѣлали растахъ, чтобы собрать свѣдѣнія о положеніи обѣихъ

представленіе комедіи *Le sourd ou l'auberge pleine;* играна она была не дурно. Въ военное время не всегда удается посѣщать театры, какъ не воспользоваться такимъ случаемъ, чтобы забыть, хоть на время спектакля, что мы сами грозные актеры съ мечемъ въ рукахъ, и что Франція нашъ театръ? Нашъ Авангардъ, подъ командою генерала Емануеля, первый выступилъ изъ Шалона по дорогѣ къ Реймсу, и мы достигли чрезъ нѣсколько дней деревню Силлери (Sillery) знаменитую по своему Шампанскому вину, и отстоящую на 8 верстъ отъ Реймса.

Главная квартира Графа Сен-При расположилась въ Силлери впредъ до занятія Реймса. Мы начинали замѣчать непріязненное расположеніе въ жителяхъ той страны, и вооруженные мужики не разъ уже нападали на офицеровъ, отправленныхъ съ приказаніями. Между прочимъ, офицеръ главнаго штаба Князь А. М. Голицынъ, состоящій въ то время при Графѣ Сен-При, былъ спасенъ только приближеніемъ нашего авангарда, изъ весьма затруднительнаго положенія.

На другой день, по прибытіи нашемъ въ Силлери 21 Февраля с. ст., положено было произвести сильную рекогносцировку къ Реймсу. Между тѣмъ Графъ Сен-При хотѣлъ прибѣгнуть къ силѣ не иначе, какъ истощивъ всѣ миролюбивыя средства, чтобы избавить городъ отъ

всегда пагубныхъ слѣдствій приступа. Выступивъ рано утромъ, мы часа черезъ два были подъ стѣнами этого города, прославившагося тѣмъ, что въ немъ всегда короновались Французскіе Короли. Ничто не предвѣщало намъ упорнаго сопротивленія, мы подошли уже почти къ самымъ стѣнамъ города, не встрѣтивъ никого, съ кѣмъ бы поговорить; пушки на укрѣпленіяхъ молчали. Графъ Сен-При приказалъ расположить Прусскую батарею на пригоркѣ, на малый пушечный выстрѣлъ отъ города, и разбить подлѣ нея свою палатку. Тутъ онъ сочинилъ прокламацію къ Реймскимъ начальствамъ; въ которой приглашалъ ихъ не дѣлать сопротивленія, чтобы не навлечь на городъ ужасовъ приступа, котораго послѣдствія падутъ на ихъ отвѣтственность. Генералъ Емануель и я были въ это время въ палаткѣ Графа, и тотъ отдалъ ему прокламацію, чтобы тотчасъ отправить съ парламентеромъ; это порученіе дали мнѣ, а оно было довольно затруднительно, потому что, по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, генералъ Корбино, командовавшій въ Реймсѣ, зная всю важность ввѣреннаго ему пункта, рѣшился не принимать ни какихъ предложеній. Чтобы быть увѣреннымъ, что прокламація дойдетъ куда слѣдуетъ, еслибъ меня и не приняли, я взялъ съ собою одного Француза изъ ближайшей деревни, который долженъ былъ отнести

ее въ городъ вслучаѣ, если бы мнѣ не удалось доставить самому. Такимъ образомъ, предшествуемый трубачемъ, и видя за собою моего Французскаго мужика, я отправился въ путь, и спускаясь къ потернѣ увидѣлъ на стѣнахъ крѣпости множество людей всякаго званія, которые говорили и кричали всѣ вмѣстѣ, такъ что я не могъ разобрать ни слова во всемъ этомъ шумѣ. Трубачь мой надрывался, подавая парламентерные сигналы, а я махалъ надъ головою своею бумагою, чтобы показать въ чемъ дѣло; но это не помогало. Я уже не зналъ что̀ мнѣ дѣлать, какъ вдругъ раздался, посереди этого шума голосъ, который, кричалъ мнѣ—« удалитесь, не то по васъ будутъ стрѣлять. » Мнѣ не хотѣлось однакожъ уступить этой угрозѣ и не исполнить своего порученія; я нагнулся чтобы отдать мою бумагу мужику меня провожающему, и показалъ ему знакомъ чтобы онъ снесъ ее къ людямъ, стоящимъ на стѣнахъ; но какъ скоро это движеніе было замѣчено съ укрѣпленій, огонь мелькнулъ изъ пушки, стоявшей прямо противъ меня, и ядро пролетѣло надъ моей головой. При этомъ сигналѣ, началась всеобщая канонада, и не прошло четверти часа, какъ у командовавшаго Прускою батареею капитана, оторвало ногу. Графъ Сен-При, послѣ этой тщетной попытки, показавшей непреклонное намѣреніе не-

пріятеля, рѣшился возвратиться въ Силлери, чтобы постановить дальнѣйшія дѣйствія. Прежде всего надобно было обозрѣть всѣ окрестныя мѣста, чтобы увѣриться, что намъ не придется сражаться съ другими непріятелями кромѣ тѣхъ, которые находились въ Реймсѣ : для этого, мнѣ съ сотнею казаковъ и драгунъ поручено было произвести рекогносцировку по направленію къ городамъ Фимъ (Fismes) и Соассонъ, (Soissons), но я не встрѣтилъ никого, кромѣ вооруженныхъ крестьянъ, которыхъ принужденъ былъ усмирить силою. Партіи, посланныя въ другія стороны, также нигдѣ не встрѣчали непріятеля. Такимъ образомъ казалось что мы будемъ имѣть дѣло только съ однимъ Реймскимъ гарнизономъ, который, не смотря на свою рѣшительность, не могъ быть многочисленъ; однакожъ, чтобы обозначь слабую сторону крѣпости, мы еще четыре дни сряду производили сильныя рекогносцировки, которыя не обходились безъ стычекъ, потому что непріятель всякій разъ высылалъ часть своего гарнизона къ намъ на встрѣчу, и дѣйствовалъ изъ крѣпости своей артиллеріею. Наконецъ, положено было взять Реймсъ приступомъ 28 Февраля, на разсвѣтѣ. Пруссаки должны были сдѣлать фальшивую атаку на Суассонскія ворота, и такимъ образомъ, во время сраженія, они были бы отдѣлены отъ насъ рѣкою Велею

(la Vesle), текущею по направленію отъ Силлери къ Реймсу, и обходящую городъ. Генералъ Емануель долженъ былъ обойти крѣпость и стараться проникнуть въ нее чрезъ ворота Берриобакскія, (Berry-au-bac), представляющія самую слабую сторону. Графъ Сен-При съ главными силами хотѣлъ дѣйствовать на другихъ пунктахъ, смотря по обстоятельствамъ. Положено было выступить изъ Силлери ровно въ полночь, и соразмѣрять маршъ такимъ образомъ, чтобъ быть въ состояніи начать аттаку на самомъ разсвѣтѣ; а чтобы не возбудить вниманія дурно расположенныхъ къ намъ жителей, велѣно было итти съ правой стороны дороги полями для занятія назначенныхъ по диспозиціи мѣстъ. Такъ какъ Авангардъ нашъ уже цѣлую недѣлю расхаживалъ во всѣхъ направленіяхъ по странѣ, лежащей между Силлери и Реймсомъ, и эти мѣста были мнѣ совершенно извѣстны, то генералъ Емануель поручилъ мнѣ вести первую колонну, за которою должны были слѣдовать всѣ другія. Ночь была темна такъ что въ двухъ шагахъ ничего не видно; но какъ на этомъ походѣ очень не трудно было слѣдовать по данному направленію, то я не опасался заблудить колонну. Съ часъ уже были мы на маршѣ, и все шло какъ не льзя лучше; вдругъ корпусный квартирмейстръ, капитанъ М..., подъѣхалъ ко мнѣ и просилъ, чтобы я

уступилъ ему обязанность вести колонну. Я дѣйствительно исполнялъ его должность, и потому мнѣ странно было бы оспоривать ее у него; я возвратился къ генералу, и сказалъ ему, что капитанъ М..., пожелалъ самъ вести колонну. Вскорѣ я замѣчаю что насъ ведутъ вправо, а это необходимо удаляло насъ отъ настоящаго направленія; я сообщилъ мое замѣчаніе капитану М..., но онъ увѣренъ былъ, что мы слѣдуемъ по настоящему пути. Между тѣмъ, черезъ нѣсколько времени мы опять принимаемъ косвенное движеніе, потомъ еще разъ, и третій разъ, и наконецъ дѣлаемъ столько изворотовъ, что я самъ не могъ ужє распознать гдѣ мы. Колонна остановилась и капитанъ М..., казалось не зналъ, какое направленіе слѣдовало принять. Никто не могъ бы навести его на настоящій путь, потому что со всѣми маршами и контрамаршами, которые мы три часа дѣлали, невозможно было распознать мѣста въ такой темнотѣ; въ этой нерѣшимости, оставалось только идти на удачу впередъ. Вскорѣ мы вышли на какую-то большую дорогу; — опять новое затрудненіе, потому что на нашемъ пути не было ни какой большой дороги. Какая жъ она могла быть? Допустить можно было только одно предположеніе, именно: что мы прошли уже мимо Реймса и находимся на одной изъ дорогъ, ведущихъ изъ этого города въ Ретель

(Rethee) или Берри-о-бакъ, (Berry-au-bac): въ такомъ случаѣ надобно было принять влѣво, чтобы приблизиться къ Реймсу, и это было общее мнѣніе; но едва только сдѣлали мы нѣсколько сотъ шаговъ въ этомъ направленіи, какъ вдругъ встрѣтились лицемъ къ лицу съ отрядомъ, который шелъ прямо на насъ. Велико было наше удивленіе, и даже ужасъ; потому что кто можетъ предвидѣть слѣдствія ночнаго сраженія посреди глубочайшей тьмы? Надобно было предполагать, что это непріятель, что за ранѣе предувѣдомленный о нашей аттакѣ, онъ спѣшитъ очистить городъ, дабы избавить его отъ бѣдствій приступа. Предположеніе наше было еще тѣмъ подтверждено, что въ противоположныхъ рядахъ раздались крики: «Москаль.» Уже орудія наши сняты съ передковъ, заряжены картечью и направлены; въ такомъ положеніи каждая минута дорога, потому что превосходство остается обыкновенно на сторонѣ того, кто первый началъ аттаку. Уже орудія готовились извергнуть смерть; еще минута, и картечь вылетѣла бы изъ пушекъ какъ вдругъ, со стороны предполагаемаго непріятеля, послышался голосъ нашего корпуснаго командира, графа Сен-При, который прискакалъ къ намъ, чтобы узнать, что̀ все это значитъ. Дѣло въ томъ, что проводивъ насъ часа четыре по полямъ, капитанъ М...

повелъ насъ назадъ по дорогѣ, ведущей изъ Реймса въ Силлери, гдѣ мы и встрѣтились съ графомъ Сен-При, который выступая оттуда подвигался съ резервомъ къ Реймсу, чтобы на разсвѣтѣ принять начальство надъ всѣми своими войсками, которымъ уже давно слѣдовало быть на мѣстахъ. Еще минута, и наша картечь поразила бы нашего корпуснаго командира: я и теперь не могу безъ ужаса подумать о томъ, что едва-едва не случилось. Не было никакихъ средствъ вознаградить потерянныхъ часовъ, потому что не представлялось даже возможности поспѣть на мѣсто ко времени, назначенному для произведенія общей аттаки. Притомъ Пруссаки шли по другому пути, и какъ они были отъ насъ отдѣлены рѣкою, то нельзя было ихъ предупредить во время, и они начали бы свою фальшивую аттаку прежде нашего прибытія, что необходимо разстроило бы всѣ наши планы. Намъ оставалось только идти какъ можно скорѣе впередъ, хотя день уже занимался, потому что несчастная эта прогулка продолжалась всю ночь, и набатъ, который мы слышали издали, показывалъ намъ что Пруссаковъ увидѣли. Вскорѣ раздались пушечные выстрѣлы, и мы уже не могли болѣе сомнѣваться, что со стороны Пруссаковъ завязалось жаркое дѣло. Генералъ Емануель тотчасъ пошелъ съ кавалеріею впередъ на рысяхъ, и мы поспѣшно

обогнувъ городъ, выступили на долину по которой идетъ дорога, ведущая въ Берри-о-бакъ, въ ту самую минуту, какъ непріятельскій батальонъ, состоящій изъ какихъ нибудь пятисотъ человѣкъ, выходилъ изъ города съ такимъ же числомъ кавалеріи. Этотъ батальонъ держался превосходно, и ни одинъ изъ нашихъ семи эскадроновъ не могъ разстроить его, несмотря на многія поочередныя атаки; артиллерія наша была еще далеко назади, и такимъ образомъ батальонъ ушелъ отъ насъ; но за то мы ударили на каваллерію, загнали ее въ Велю и совершенно истребили. Между тѣмъ Пруссаки, производя фальшивую аттаку, овладѣли городомъ, и это счастливое происшествіе вполнѣ вознаградило насъ за непріятности прошедшей ночи.

Взятіемъ этого важнаго пункта, порученіе, данное графу Сен-При, было исполнено, потому что разославъ въ разныя стороны отдѣльныя отряды, мы могли содержать сообщеніе между обѣими арміями. Графъ Сен-При рѣшился остаться въ Реймсѣ, и расположить войска по квартирамъ, такъ онъ былъ увѣренъ, что нападенія ожидать нѐ откуда. На другой день 29 Марта, назначено было отслужить благодарственный молебенъ за одержанную наканунѣ побѣду. Но въ тотъ же день, въ одиннадцать часовъ утра, тотчасъ послѣ божественной службы, мы съ

величайшимъ изумленіемъ услышали у воротъ Реймса пушечные выстрѣлы; весь штабъ былъ въ минуту на коняхъ, чтобы посмотрѣть, что̀ значатъ выстрѣлы въ такомъ близкомъ разстояніи отъ насъ. Прискакавъ къ Соассонскимъ воротамъ, мы услышали что непріятельскій отрядъ въ нѣсколько эскадроновъ, съ двумя пушками, производя рекогносцировку, подошелъ къ самымъ воротамъ, увидѣлъ нашу пѣхоту, бросилъ нѣсколько ядеръ, и поспѣшно отступилъ. Плѣнный, взятый нашими фланкёрами, объявилъ, что передъ нами самъ Наполеонъ. Все предвѣщало однакожъ, что день не пройдетъ безъ какого нибудь важнаго происшествія и дѣйствительно въ 4 часа по полудни, мы вдругъ видимъ, что изъ-за холма, скрывавшаго отъ насъ настоящія силы непріятеля, выступаютъ огромныя массы кавалеріи и передъ ними идетъ многочисленная артиллерія, которая поспѣшно направляетъ противъ насъ свои пушки, и на этомъ тѣсномъ пространствѣ начинается ужаснѣйшая канонада. Реймсъ былъ живо защищаемъ, и особенно у мо́ста на Велѣ происходила жестокая сшибка, гдѣ нашихъ было одинъ противъ десяти,—кровавѣе этой сѣчи нельзя себѣ представить. Въ самомъ пылу боя, корпусный командиръ нашъ получилъ смертельную рану въ плечо и принужденъ былъ оставить команду въ такое время, когда при-

суттствіе его было всего нужнѣе; но искусныя распоряженія генерала Емануеля, который тотчасъ принялъ команду, и счастливая диверсія, произведенная въ тылу непріятеля Рязанскимъ пѣхотнымъ полкомъ, подъ командою храбраго полковника Скобелева, поправили наше положеніе, и мы всю ночь удерживали за собою Реймсъ, хотя имѣли дѣло съ самимъ Наполеономъ и съ силами, несравненно превосходящими наши.

На другой день, мы не будучи преслѣдуемы, отступили въ направленіи къ Берри-о-бакъ и примкнули къ арміи фельдмаршала Блюхера, который въ то время занималъ Ланъ, (Laon).

Графъ Сен-При былъ такъ же потихоньку перевезенъ туда, и недѣли черезъ двѣ скончался; но передъ смертію онъ имѣлъ утѣшеніе видѣть что заслуги его признаны и награждены; Государь Императоръ пожаловалъ ему за взятіе Реймса орденъ св. Георгія второй степени.

Но кратковременные успѣхи, которые Наполеонъ одерживалъ втеченіи этой кампаніи, только воздымали его гордость и внушали ему новыя требованія на конгрессѣ, происходившемъ въ то время въ Шатильонѣ. Такимъ образомъ всѣ эти частные успѣхи обращались къ его пагубѣ, и даже взятіе Реймса, открывъ ему путь, по которому онъ пошелъ черезъ

Витри на Сенъ-Дизіе, въ надеждѣ стать на линіи нашихъ сообщеній, и между тѣмъ только открылъ намъ дорогу въ Парижъ, послужило къ его гибели.

Въ Ланѣ положено было, чтобы генералъ Емануель снова принялъ начальство надъ авангардомъ корпуса Графа Ланжерона, и тамъ мы получили извѣстіе, что Императоръ Александръ рѣшился идти прямо на Парижъ какъ скоро убѣдился, что Наполеонъ вознамѣрился утвердиться въ тылу нашихъ армій.

Изъ Лана мы пошли по самой прямой дорогѣ къ Эперне, чтобы достичь большой Парижской дороги, которая пролегаетъ черезъ Шато-Тіерри (Château-Thierry) и Мо, (Meaux). Мнѣ поручено было обозрѣвать страну и открывать непріятеля съ шестидесятью казаками и сорока драгунами; такимъ образомъ я промчалъ дорогу нашему отряду до самаго Дормана, (Dormans) нигдѣ не встрѣчая непріятеля; на пути мы овладѣли городомъ Эперне (Epernay) знаменитымъ по своему шампанскому вину, и воины въ Русскихъ мундирахъ въ первый разъ посѣтили тамошніе погреба; многочисленные любители этого отраднаго вина съ наслажденіемъ пили за успѣхи нашего оружія. Продолжая идти впередъ и не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, мы пришли 14 Марта въ Этожъ, (Etoges); здѣсь генералъ Емануель получилъ

приказаніе взять съ собою роту Піонеровъ, два пѣхотныхъ полка, Архангелогородскій и Староингерманландской, Кіевскій драгунскій полкъ, Казачій полкъ, 24 орудія и отправиться съ этимъ отрядомъ въ Трильпортъ, (Trilport) близъ Мо, чтобы тамъ навести мостъ на рѣкѣ Марнѣ; (la Marne). Бригада Прусской пѣхоты, подъ командою генерала Горна (Horn), должна была пріити по другой дорогѣ туда же, чтобы въ случаѣ нужды подкрѣпить насъ. Это порученіе было весьма важно и его слѣдовало исполнить съ величайшею быстротою; переходъ былъ великъ, и генералъ Емануель выступилъ въ ту же ночь. Чтобы прикрыть лѣвый свой флангъ, онъ отрядилъ меня съ моею партіею кавалеристовъ къ Ребе (Rebais) для обозрѣнія всей страны, лежащей между этимъ мѣстечкомъ и Трильпоромъ, гдѣ я долженъ былъ присоединиться къ нему; въ Ребе я узналъ послѣдствія побѣды, одержанной Россійскою Гвардіею при Ферѣ-Шампенуазѣ (Fère-Champenoise), и поспѣшилъ донести объ этомъ генералу. Я продолжалъ свой путь спокойно; жители деревень скрывались при появленіи моихъ казаковъ, впрочемъ были смирны, и не пытались сопротивляться, какъ то случилось въ окрестностяхъ Реймса. Дойдя до Трильпора, я увидѣлъ что мостъ уже наведенъ, не смотря

на сопротивленіе непріятеля, и что часть нашихъ войскъ была уже на томъ берегу Марны.

На походѣ отъ Этожа къ Трильпору, генералъ Емануель, производя рекогносцировку на Ла-ферте-сужуаръ (La Ferté Sous-Jouarre) лежащемъ на Марнѣ, нашелъ тамъ непріятеля въ большихъ силахъ: онъ расчислилъ что пользуясь извилинами рѣки, можно предупредить въ Трильпорѣ эти войска, и оставилъ тамъ небольшой отрядъ, чтобы занять непріятеля фальшивою демонстраціею, а самъ пошелъ форсированнымъ маршемъ, дабы достигнуть мѣста, назначеннаго для наведенія моста. Прибывъ въ Трильпоръ, онъ увидѣлъ, что бригада генерала Венгана съ орудіями защищаетъ переправу. Устроены батареи, и войска наши приступили къ наведенію моста, который не смотря на картечные выстрѣлы непріятеля, былъ отдѣланъ съ такою быстротою, что произвелъ изумленіе въ Прусской бригадѣ, подоспѣвшей какъ бы нарочно для того, чтобъ быть свидѣтельницею подвига. Пока мостъ строился, баталіонъ Архангелогородскаго полка переправился черезъ рѣку на судахъ, случайно найденныхъ въ Трильпорѣ; онъ былъ встрѣченъ картечью, но Русскій штыкъ опрокинулъ все, что ему противилось. Вслѣдъ за тѣмъ, по окончаніи моста, наша пѣхота и Прусская бригада перешли его поспѣшнымъ шагомъ и продолжали гнать непріятеля

къ Мо. Въ то время я съ небольшимъ моимъ отрядомъ прибылъ въ Трильпоръ, и также поспѣшилъ переправиться на другой берегъ. Я вскорѣ обогналъ нашу пѣхоту, и встрѣтивъ партію непріятельской кавалеріи преслѣдовалъ ее до самыхъ воротъ Мо; на возвратномъ пути я очутился въ тылу Французской пѣхоты, и какъ было уже довольно поздо, то я воспользовался этимъ, и пронесся по интерваламъ непріятельскихъ баталіоновъ, испуская побѣдные крики, которые изумили непріятеля неожиданнымъ появленіемъ кавалеріи по среди рядовъ его, но все это было произведено такъ быстро, что, когда Французская пѣхота вздумала сдѣлать по насъ нѣсколько выстрѣловъ, я былъ уже далеко и присоединился съ своими наѣздниками къ генералу.

Быстрое и удачное наведеніе моста на Марнѣ было чрезвычайно важно для послѣдующихъ происшествій, потому что на другой же день Силезская армія фельдмаршала Блюхера переправилась по немъ, чтобы итти на Парижъ, а извѣстно какъ важна была въ это время каждая минута, потому что Наполеонъ едва не подоспѣлъ для обороны Парижа. И кто знаетъ, чтобы тогда случилось? Мы провели ночь съ 15 на 16 число въ виду Мо, и другой тревоги не было кромѣ той, которую произвелъ взрывъ

пороховаго магазейна, зажженнаго непріятелемъ.

Марта 16 мы продолжали итти къ Парижу, отъ котораго находились въ 48 верстахъ; я по прежнему открывалъ маршъ съ сотнею кавалеристовъ, дѣлая разъѣзды вправо и влѣво, и нигдѣ не встрѣчалъ непріятеля. На другой день приказано было продолжать походъ, но не предпринимать непріязненныхъ дѣйствій до двухъ часовъ по полудни. Надобно думать, что тогда ожидали предложеній о сдачѣ Парижа и старались доказать, что желаютъ избѣжать кровопролитія. Къ несчастію, въ тотъ же день, когда я проходилъ съ своею партіею черезъ одну деревню, на насъ стали стрѣлять изъ-за плетней и заборовъ, и убили у меня нѣсколько казаковъ: это заставило меня отражать силу силою и стоило жизни нѣкоторымъ изъ этихъ заблужденныхъ поселянъ. Генералъ Іоркъ, проходившій путъ въ тотъ же вечеръ, замѣтилъ слѣды недавной стычки и приказалъ разыскать, кто осмѣлился преступить приказаніе—не предпринимать до двухъ часовъ никакихъ непріязненныхъ дѣйствій; но когда узнали, какъ это произошло, оказалось что я не могъ поступить иначе.

Дорогою я получилъ приказаніе стараться проникнуть въ мѣстечко Гонессъ (Gonesse) лежащее въ 8 верстахъ отъ Парижа, нѣскол-

ко вправо отъ большой дороги, и объявить мѣстному начальству, что вечеромъ того же дня корпусъ генерала Іорка расположится на *бивуакахъ въ окресностяхъ этого мѣстечка* и чтобы жители приготовили съѣстныхъ припасовъ, дровъ и соломы на 40,000 человѣкъ. — Я отправился въ Гонессъ который, какъ говорятъ, славится простодушіемъ своихъ жителей и лежитъ въ углубленіи не подалеку отъ большой дороги. Я оставилъ офицера съ половиною моего отряда въ наблюдательномъ положеніи, а остальную половину взялъ съ собою. Издали можно было видѣть какъ я спускался по горѣ съ небольшимъ своимъ отрядомъ, и это зрѣлище, столь новое для жителей, привлекло ко мнѣ на встрѣчу почти все народоселеніе мѣстечка такъ, что я вступилъ туда посреди двухъ рядовъ зѣвакъ. Между тѣмъ, замѣчая на лицахъ болѣе безпокойства чѣмъ любопытства, я обратился къ этой толнѣ, просилъ указать мнѣ гдѣ я могу найти Мера, и прибавилъ, что мнѣ велѣно предувѣдомить мѣстныя начальства, что вечеромъ того же дня Прусскій корпусъ расположится близь мѣстечка на бивуакахъ; что надобно приготовить для него съѣстныхъ припасовъ, что Императоръ Россійскій, всемилостивѣйшій *Государь мой*, запретилъ подъ строжайшими наказаніями, чтобы солдатъ входилъ, подъ какимъ бы то нибыло предлогомъ, въ

жилища и требовалъ чего бы то нибыло, что мы приносимъ имъ миръ и что по всей вѣроятности союзныя арміи завтра уже вступятъ въ Парижъ. Эта рѣчь, столь новая и почти непостижимая для большой части моихъ слушателей, навлекла на меня цѣлый градъ вопросовъ, на которые я отвѣчалъ какъ можно короче, и какъ мнѣ времени терять было нельзя то просилъ проводить меня въ муниципалитетъ. Я нашелъ тамъ Мера и помощниковъ его, и объявилъ имъ чего отъ нихъ требуютъ, не забывъ прибавить, что право собственности будетъ свято уважаемо. Они, казалось, были весьма расположены угождать намъ, и обѣщали исполнить все, чего отъ нихъ потребуютъ. При прощаніи эти добрые люди просили меня вписать мое имя въ муниципальную книгу, и удивленіе ихъ было истинно забавно, когда они узнали, что я не Французъ, не сынъ какого нибудь эмигранта, и что *казакъ* можетъ свободно объясняться на ихъ языкѣ. По исполненіи, такимъ образомъ даннаго мнѣ порученія я былъ провожаемъ, можно сказать, съ торжествомъ. Жители Гонесса показались мнѣ очень добрыми людьми, и по этому то, можетъ быть, Парижане прославили ихъ простаками. Признаюсь что послѣ явленій, происходившихъ утромъ, я думалъ, что найду въ Гонессѣ по крайней мѣрѣ баррикады на улицахъ; я даже отдалъ сообразныя съ этимъ приказанія и той части

отряда, которая была со мною, и той, которая оставалась на шоссе и должна была, при первомъ выстрѣлѣ, который услышитъ, показаться на горѣ, чтобы устрашить жителей видомъ неожиданнаго подкрѣпленія. Но къ счастію все происходило какъ нельзя лучше (*). Я присоединился къ офицеру, мною оставленному на шоссе, и вскорѣ Парижъ разостлался передъ нами. Въ томъ мѣстѣ гдѣ дороги изъ Соассона и Мо сходятся, казаки мои остановили дилижансъ, ѣхавшій въ Парижъ. Зная склонность ихъ къ добычѣ, я далъ лошади шпоры и прискакалъ къ дилижансу въ самое время, чтобы успокоить нѣсколько путешественницъ, которыя расплакались и перепугались при неожиданномъ появленіи моихъ казаковъ. Я сталъ утѣшать ихъ по-Французски, велѣлъ ихъ пропустить, и онѣ осыпали меня благословеніями: всѣ эти путешественники совершенно не знали, что мы были такъ близко и что союзныя арміи приближались уже къ Парижу и готовились вступить туда. Я просилъ ихъ со-

(*) Находясь въ 1822 году въ Парижѣ, я изъ любопытства посѣтилъ Гонессъ, и нашелъ тамъ того же самаго мера который меня встрѣчалъ въ 1814 году. Онъ и при Наполеонѣ былъ въ душѣ приверженцемъ Бурбоновъ, и потому не трудно было ему сохранить свое мѣсто при перемѣнѣ правленія.

общить эту добрую вѣсть Парижанамъ. Мужчины, бывшіе въ дилижансѣ, отдали мнѣ свои карточки, и предлагали мнѣ свои услуги въ Парижѣ, убѣждая меня посѣтить ихъ, чтобы они могли изъявить мнѣ свою признательность. Дилижансъ отправился, и утѣшенныя мои Парижанки изъявляли мнѣ свою признательность махая издали платками въ знакъ радости, которая заступила мѣсто ужаса; но вскорѣ я перешелъ къ другой сцѣнѣ. Приближеніе моихъ кавалеристовъ заставило нѣсколько застрѣльщиковъ выйти неосторожно въ поле: казаки мои отрѣзали имъ отступленіе и взяли ихъ въ плѣнъ. Въ это самое время Императоръ Александръ приближался съ большою арміею къ Парижу по Бондійской дорогѣ и, не ожидая видѣть такъ рано войска наши съ той стороны откуда мы шли, прислалъ спросить къ какому корпусу мы принадлежимъ. Его Величество еще не зналъ объ удачномъ переходѣ черезъ Марну. Между тѣмъ генералъ Емануель явился со всѣмъ авангардомъ и весьма кстати произвелъ счастливую диверсію, аттаковавъ флангъ войска, съ которымъ большая армія должна была сражаться. Императоръ Александръ, бывъ свидѣтелемъ этого дѣйствія, прислалъ объявить нашему генералу свое благоволеніе. Ночь съ 17 на 18 Марта мы провели близь деревни Обервилье (Aubervilliers) ввиду Па-

рижа, и всю эту ночь я не могъ сомкнуть глазъ, хотя имѣлъ большую нужду въ покоѣ. Трудно было увѣриться, что видѣлось все это на яву, что мы находимся у самыхъ воротъ Парижа— Парижа, котораго одно имя уже такъ много говоритъ—что послѣ лагерной жизни, исполненной опасностей, тревогъ и лишеній, мы погрузимся во всѣ наслажденія новаго Вавилона; но, вдругъ мнѣ приходило въ голову, что Французы подходя къ Москвѣ, льстили себя тѣми же надеждами, и мечты мои смѣнились заботами. Но я говорилъ самъ себѣ: « Французы не Русскіе; они не способны пожертвовать «своею столицею, которая для нихъ важнѣе «всего: да и мы не Французы, чтобы хотѣть «поработить Францію, какъ они хотѣли поработить нашу отчизну.» Эти различныя размышленія всю ночь не давали мнѣ уснуть; на другой день, рано утромъ, всѣ были въ самыхъ блестящихъ мундирахъ, воображая, что ворота Парижа тотчасъ отворятся и намъ останется только вступить туда церемоніальнымъ маршемъ. Но завоеваніе столицы Франціи не должно было совершиться безъ послѣдняго пожертвованія со стороны союзниковъ.

18 Марта на разсвѣтѣ мы пошли къ Монмартру и пѣхота наша завязала перестрѣлку съ войсками, которыя занимали Ла-Виллетъ (La Villette), и защищали окрестности Парижа. Съ

Монмартра безпрестанно сыпались на насъ ядра; на лѣвомъ флангѣ, гдѣ находилась Императорская главная квартира, происходила упорная и кровопролитная борьба, особенно на холмѣ Шомонскомъ, (butte Chaumont); но всѣ высоты съ этой стороны часа въ два по полудни, были взяты. Монмартръ еще держался, и по своему положенію казалось, долженъ былъ стоить большихъ пожертвованій. Въ три часа Графъ Ланжеронъ получилъ повелѣніе Государя Императора овладѣть этою высотою, во что бы то ни стало, и отрядить генерала Емануеля съ 2000 кавалеріи въ Нельи (Neuilly) чтобы обойти Парижъ и дѣйствовать отъ заставы *de l'Etoile*, ведущей въ Елисейскія Поля. Надобно было опасаться, что Монмартръ, съ котораго огонь не прекращался цѣлое утро, окажетъ упорное сопротивленіе, что было бы весьма легко, по причинѣ быстрины, покатости, и множества плетней и заборовъ, которыми испещренъ во всѣхъ направленіяхъ хребетъ его. Генералъ Рудзевичъ, которому поручено было овладѣть этою высотою, устроивъ свои колонны къ аттакѣ, простился съ нами какъ человѣкъ, идущій на вѣрную смерть. Но къ величайшему нашему удивленію, непріятель сдѣлалъ только нѣсколько залповъ изъ своей артиллеріи, и войска наши овладѣли Монмартромъ такъ скоро, какъ можно было войти на гору.

Съ той минуты Парижъ былъ уже нашъ. Между тѣмъ, еще до успѣха этой аттаки, мы отправились исполнить данное намъ порученіе, и я по прежнему, шелъ впереди съ моими всадниками. Когда мы дошли до аллеи, ведущей въ Нельи, вокругъ ушей моихъ засвистали пули: нѣсколько человѣкъ стрѣляли изъ-за баррикады на мосту, которымъ оканчивается эта аллея. Такъ какъ не большое число засѣвшихъ за баррикадою солдатъ, могло бы безпокоить насъ своими выстрѣлами, я велѣлъ моимъ драгунамъ пѣшиться, и они быстрою аттакою опрокинули баррикаду, разогнавъ человѣкъ тридцать, которые ее защищали: они были отставные солдаты Императорской гвардіи жившіе въ Нёльи. При этой сшибкѣ у меня былъ раненъ офицеръ и нѣсколько солдатъ выбыло изъ фронта. Въ это время прибылъ генералъ Емануель съ своимъ отрядомъ, и направивъ пушки противъ войскъ, защищавшихъ заставу de l'Etoile, засыпалъ ихъ ядрами. Вскорѣ съ этой стороны появился Парламентеръ и сказалъ намъ, что капитуляція Парижа уже подписана. И дѣйствительно мы вслѣдъ за тѣмъ, получили оффиціальное о томъ извѣстіе. Тогда было шесть часовъ вечера. Такимъ образомъ мы провели ночь съ 18 на 19 Марта въ Нёльи, исполненные энтузіазма, которое необходимо

должно было возбуждать въ насъ такое завоеваніе.

На другой день 19 го Марта, мы заняли Булонь, (Boulogne) , пройдя сначала черезъ лѣсъ того же имени, который совсѣмъ не соотвѣтствовалъ моимъ ожиданіямъ. Мы нигдѣ не встрѣчали сопротивленія, и хотя насъ увѣряли, что подъ Сенъ Клудскимъ (S-Cloud) мостомъ устроена мина, однако мы перешли его благополучно и поспѣшили осмотрѣть великолѣпный тамошній дворецъ, который еще не успѣли запереть. Найдя флигель Маріи-Луизы еще открытымъ , мы не упустили этого случая поиграть на этомъ инструментѣ, привыкшемъ издавать звуки подъ нѣжными пальцами Императрицы Французовъ; теперь жилистыя, почернѣвшія отъ пороху, руки воиновъ, прибывшихъ изъ нѣдръ Россіи сквозь тысячи опасностей и сраженій , оглашали удивленныя стѣны замка звуками гимна god save the king въ честь нашего великодушнаго и обожаемаго Монарха. О какія эти были восхитительныя минуты для Русскаго сердца! онѣ вполнѣ вознаграждали насъ за всѣ опасности и лишенія , черезъ которыя надобно было пройти, чтобы достичь до такого дивнаго событія. Въ тотъ же день союзные Монархи торжественно вступили въ Парижъ въ головѣ Русскихъ колоннъ.

На слѣдующій день , 20 Марта , я получилъ

позволеніе съѣздить въ Парижъ, котораго еще никогда не видалъ. Тѣмъ, которые спросили бы меня, что̀ мнѣ казалось всего удивительнѣе, я бы еще съ бо̀льшимъ основаніемъ чѣмъ Венеціанской Дожъ могъ отвѣчать — «то, что я здѣсь,» разумѣется, побѣдителемъ и дѣйствительно, видъ всѣхъ этихъ Калмыковъ и Башкирцевъ, которые бродили по улицамъ щеголеватаго Парижа, составляя совершенную противоположность съ лицами и костюмомъ Парижанъ, стоилъ, по своей странности, появленія гордаго Дожа при дворѣ Французскомъ. Я посѣтилъ въ этотъ день все что успѣлъ! — Тюльери, Пале-Рояль, большой Оперный театръ, гдѣ скромность нашего Государя не позволила представить, «торжество Траяна.» Давали «Весталку,» и публика заставила актера Лайса (Lays), закоренѣлаго республиканца, затянуть противъ воли пѣсню *Vive Henri IV*. Уже Французы успѣли сочинить подъ этотъ голосъ куплеты въ честь нашего Императора, которые начинались такъ: Vive Alexandre vive ce Roi des Rois! и приняты были съ оглушающими рукоплесканіями. Послѣ представленія нашъ Государь только что вышелъ изъ театра, какъ толпа бросилась въ ложу Наполеона и изломала въ куски бывшаго на ней Императорскаго орла, разбивъ такимъ образомъ кумиръ, который еще на канунѣ обожала. Сцѣна, достойная Пари-

жанъ! Та же участь предоставлена была колоссальной статуѣ, стоявшей на Вандомской колоннѣ (colonne de la place Vendôme), *на которую уже былъ накинутъ арканъ дабы низвергнуть ее;* но она была бронзовая, и устояла противъ усилій новорожденныхъ энтузіастовъ, а потомъ съ нашей стороны приняты были мѣры для предупрежденія дѣйствій Парижскаго сумасбродства. Императоръ Александръ, глядя на эту колонну, произнесъ слова, заключающія въ себѣ глубокій смыслъ. «Еслибъ я стоялъ такъ «высоко, сказалъ онъ, у меня бы голова закру«жилась.» Августѣйшій достойный преемникъ его воздвигнулъ ему монументъ безсмертный: но что возвышается на вершинѣ этого монумента?... Эмблемы вѣры и смиренія! Et nunc discite, gentes.... Но для меня кампанія была еще не кончена, и я только мѣлькомъ могъ взглянуть на Парижъ; по крайней мѣрѣ я получилъ понятіе о видѣ этой огромной столицы, старой грѣшницы, оставленной Богомъ и пользовавшейся въ теченіе пятидесяти лѣтъ почти исключительною незавидною привилегіею надѣлять Европу войнами и смутами. Я присоединился къ своему генералу въ Арпажонѣ. Мы получили приказаніе продолжать военныя дѣйствія къ сторонѣ Фонтенебло, (Fontainebleau), потому что союзные Монархи не хотѣли подражать безпечности Наполеона въ Москвѣ,

стоившей ему такъ дорого. Пока онъ былъ на ногахъ, мы не должны были засыпать. Мы прошли Монлери, (Montlhéry) Лимуръ (Limours) и 28-го Марта встрѣтили непріятеля близъ городка Лаферте-Аллè (La Ferté Allais) въ 16 верстахъ отъ Фонтенебло. Мы бросили нѣсколько ядеръ, и съ удивленіемъ увидѣли, что наша атака произвела въ непріятельскомъ лагерѣ величайшій безпорядокъ. Вслѣдъ за тѣмъ является парламентёръ, и протестуетъ противъ того, что онъ называлъ нарушеніемъ права народовъ, потому что Наполеонъ отказался отъ престола и между воюющими сторонами заключено перемиріе. Мы въ первый разъ о томъ слышали, и какъ подобное извѣстіе мы должны были получить не отъ Французскаго парламентера, то и отвѣчали, что еще не имѣемъ ни какихъ предписаній на этотъ случай и можемъ только позволить непріятельскому генералу отступить, не тревожа его, но что городъ долженъ быть намъ сданъ. Такимъ образомъ онъ достался къ намъ въ руки: но вечеромъ того же дня мы получили предписаніе генерала Васильчикова, который въ то время сдѣлался нашимъ командиромъ, прекратить военныя дѣйствія и остановиться тамъ, гдѣ это предписаніе насъ застанетъ. Вслѣдствіе этихъ новыхъ распоряженій, согласовавшихся съ увѣреніями Французскаго парламентёра, генералъ Емануель послалъ

сказать непріятельскому генералу, что, получивъ приказаніе прекратить военныя дѣйствія, онъ готовъ сдать ему городъ Лаферте-Алле. Само собою разумѣется, что Французскій генералъ долженъ былъ скорѣе получить извѣстіе о перемиріи, которое было слѣдствіемъ отрѣченія Наполеона, подписаннаго въ Фонтенебло отъ котораго войска его были такъ близко, тогда какъ мы получали приказанія изъ Парижа. Однако, не принимая это въ уваженіе, онъ отвѣчалъ, что послѣ вчерашняго происшествія, онъ хочетъ имѣть заложника, чтобы быть увѣреннымъ въ своей безопасности. Объ этомъ не стоило и спорить, и я назначенъ былъ служить господамъ Французамъ аманатомъ впредь до опредѣленнаго перемиріемъ разграниченія.

Здѣсь представляется довольно замѣчательный эпизодъ военной моей жизни.

Я отправился во Французскій лагерь; въ немъ командовалъ генералъ Пике (Piquet), и войско его состояло изъ одной кавалеріи, принадлежавшей большею частію къ почетной стражѣ, garde d'honneur, и составляющей часть корпуса генерала Бордесу, (Bordesoult). Такимъ образомъ я провелъ три дня въ обществѣ Французскихъ офицеровъ, и жилъ у ихъ генерала. Они съ величайшимъ раздраженіемъ видѣли злополучіе своего Императора, котораго обожали. Одинъ только рокъ, который уже нѣ-

сколько времени тяготѣетъ надъ нимъ, говорили они, заставилъ его отречься отъ престола, когда онъ еще имѣетъ въ рукахъ столько средствъ для продолженія войны. И тутъ они начинали исчислять эти средства, которыя, по ихъ мнѣнію, состояли въ томъ, чтобы Наполеонъ отступилъ съ своимъ войскомъ въ Вожскій Департаментъ, (Département des Vosges): тамъ окруженный неприступными крѣпостями, онъ могъ бы собрать всѣ остающіяся во Франціи войска, призвать Вице-короля Италіянскаго съ его арміею, вытребовать Даву съ его корпусомъ изъ Гамбурга, что составило бы тотчасъ армію въ 150,000 человѣкъ; потомъ сдѣлать воззваніе ко всей Франціи, провозгласить, что отечество въ опасности, уничтожить декреты Сената, и членовъ его объявить измѣнниками. Вотъ что, по словамъ этихъ господъ, могъ сдѣлать Наполеонъ, но одинъ *рокъ* помѣшалъ ему. Я отвѣчалъ только, что въ нашей арміи не знаютъ что такое *рокъ* и все относятъ Провидѣнію. Въ числѣ этихъ говоруновъ особенно отличался довольно увлекательною болтовнею Пиго-Лебренъ (Pigault-Le-Brun), сынъ автора многихъ безнравственныхъ романовъ. Мнѣ любопытно было встрѣтить тутъ тѣхъ самыхъ кавалерійскихъ офицеровъ, которые дрались съ нами въ Реймсѣ, и я съ удовольствіемъ слышалъ, что они называютъ это

настоящею западнею, потому что совершенно неожиданно были осыпаны градомъ пуль съ тылу. Они разумѣли диверсію, сдѣланную полковникомъ Скобелевымъ съ Рязанскимъ полкомъ, который обратилъ ихъ въ бѣгство. Разговоры наши были, какъ изъ этого видно, довольно занимательны.

Въ числѣ офицеровъ, бывавшихъ у генерала Пике, я замѣтилъ одного полковника командира 10-го Гусарскаго полка, человѣка съ пасмурнымъ лицемъ который вѣчно смотрѣлъ на меня скоса, и никогда не говорилъ со мною; въ физіономіи его было что то отвратительное; онъ былъ смуглъ, плешивъ, и вообще голова его походила на черепъ. Однажды генералъ Пике отозвалъ меня въ сторону и сказалъ, что этотъ полковникъ безпрестанно старается возбуждать въ немъ безпокойство, увѣряя что въ слѣдующую ночь мы намѣрены напасть въ расплохъ на его войско, и что я присланъ только для того, чтобъ подговаривать дезертировъ. При этомъ неожиданномъ признаніи, я спросилъ генерала Пике: « Вѣрите ли вы, сударь, бреднямъ вашего полковника? Генералъ, нѣсколько смущенный моимъ вопросомъ, и отрывистымъ тономъ, съ которымъ я его произнесъ, отвѣчалъ, что онъ съ своей стороны не можетъ полагать, чтобы въ Русской арміи были люди, способные къ поступку столь не-

добросовѣстному, что между тѣмъ я долженъ былъ извинить подозрительность полковника, потому что въ послѣднее время въ полку его было много дезертировъ, что притомъ наша атака въ такое время, когда надобно было предполагать, что мы уже получили извѣстіе о перемиріи, могла питать подобныя подозрѣнія въ человѣкѣ, подавленномъ столькими злополучіями; а что касается до ночнаго нападенія, которымъ ему угрожали, то это основано единственно на словахъ деревенскихъ жителей пришедшихъ изъ нашего лагеря. «Въ такомъ «случаѣ, генералъ, возразилъ я съ нѣкоторою «живостью, я долженъ вамъ объявить, что, бу- «дучи единственнымъ здѣсь представителемъ «Русской арміи, не могу унизиться до того, «чтобы опровергать вѣсти, придуманныя г. «полковникомъ 10-го гусарскаго полка; но по- «зволяю себѣ замѣтить вамъ, что онъ долженъ «былъ бы помнить рыцарскій поступокъ нашъ «съ вами не далѣе какъ третьяго дня, когда, «заставъ васъ въ расплохъ мы, по всѣмъ пра- «вамъ войны, могли истребить отрядъ вашъ, «и между тѣмъ, по первому вашему предста- «вленію, позволили вамъ покойно отступить, «не хотя сражаться съ непріятелемъ, который «не приготовился къ оборонѣ. Позвольте еще «прибавить, что если кто можетъ жаловаться «на явное нарушеніе права народовъ, то имен-

«но я, потому что съ мѣсяцъ тому назадъ я «былъ посланъ парламентеромъ въ Реймсъ съ «предложеніемъ сдачи и былъ принятъ пушечнымъ выстрѣломъ.» Не желая продолжать этого разговора, я поклонился генералу, и не сталъ дожидаться его отвѣта. Въ остальную часть дня обхожденіе наше было довольно холодно, не потому чтобы холодность происходила со стороны генерала, но потому что, послѣ оказанныхъ мнѣ подозрѣній, я уже не могъ свободно предаваться откровенному разговору. Этотъ случай напомнилъ мнѣ, что утромъ того же дня я игралъ у генерала на билльярдѣ съ однимъ офицеромъ и, когда мы остались одни, тотъ таинственно подошелъ ко мнѣ, признался, что хотѣлъ бы перейти въ нашу армію, и просилъ меня помочь ему. Я бросилъ на него взглядъ, изъ котораго онъ могъ заключить какъ я принялъ это сообщеніе, и вмѣсто отвѣта предложилъ ему доиграть нашу партію. Я уже забылъ это приключеніе, какъ разговоръ съ генераломъ напомнилъ мнѣ его, и я догадался, что этотъ офицеръ подосланъ былъ гусарскимъ полковникомъ, тѣмъ болѣе что онъ былъ его полка. Между тѣмъ подозрительный полковникъ продолжалъ хлопотать и суетиться; впослѣдствіи я узналъ, что этотъ самый полковникъ застрѣлился съ отчаянія послѣ сраженія при Ватерлоо, которое на всегда поло-

жило конецъ могуществу Наполеона. На другой день, рано утромъ вставъ съ постели, тотчасъ сошелъ я въ гостиную генерала Пике, и къ удивленію моему нашелъ тамъ множество офицеровъ всѣхъ чиновъ, за исключеніемъ одного только полковника: они всѣ были въ полной формѣ, и казалось, провели всю ночь безъ сна. Генералъ тотчасъ подошелъ ко мнѣ, дружески пожалъ мнѣ руку и сказалъ: «извините, что мы васъ оскорбили нашимъ подо-«зрѣніемъ, думая, что ночь не пройдетъ безъ «нападенія съ вашей стороны; но полковникъ «10-го гусарскаго полка, утверждалъ, что онъ «совершенно увѣренъ въ томъ что говоритъ, «и грозилъ мнѣ такою отвѣтственностью, что «я принужденъ былъ принять всѣ нужныя мѣры «противъ нечаяннагс нападенія: вотъ почему «мы устроили баррикады при всѣхъ входахъ «въ городъ, и всю ночь простояли за ними.— «Жаль мнѣ, господа, отвѣчалъ я, что вы про-«вели такую безпокойную ночь а я, между тѣмъ, «выспался какъ нельзя лучше. Я надѣюсь, что «вы будете благодарны за то, что я избавляю «васъ отъ упрековъ, которые бы имѣлъ пол-«ное право вамъ сдѣлать, вы люди съ честью, «и вѣрно сами себя упрекаете; не я стану «огорчать васъ въ положеніи, и безъ того «довольно тягостномъ.

Часовъ въ десять утра пріѣхалъ Генералъ

Емануель, чтобы окончательно опредѣлить границы: само собою разумѣется, что я не говорилъ ему, при этихъ господахъ, какое прекрасное мнѣніе они объ насъ имѣютъ, положеніе мое было бы слишкомъ выгодно и при томъ надобно извинить людей въ несчастіи.

Война такимъ образомъ кончилась: мнѣ привелось еще быть нѣсколько дней комендантомъ въ городѣ Этампъ (Etampes); послѣ чего я просилъ позволенія отдохнуть въ Парижѣ, и пріѣхалъ туда около половины Апрѣля. Имя Императора Александра было во всѣхъ устахъ, благодѣянія его во всѣхъ сердцахъ; тамъ я узналъ, что Наполеонъ отправленъ на островъ Эльбу, и въ этомъ дивномъ окончаніи происшествій, которыхъ я былъ свидѣтелемъ впродолженіи года и восьми мѣсяцевъ, я видѣлъ ясное наказаніе ему за вторженіе въ Россію, и за оскорбленіе святыни нашихъ алтарей. Борьба между Александромъ и Наполеономъ представилась мнѣ какъ борьба между Геніемъ добра и геніемъ зла, въ которой первый не могъ не взять поверхности.

Бурбоны были возвращены Франціи. Я видѣлъ какъ графъ d'Артуа (Monsieur, clomte d'Artois), въѣзжалъ въ Парижъ; никогда не думалъ я, чтобы народный энтузіазмъ могъ доходить до безумія подобнаго тому, какое овладѣло Парижанами при видѣ этого Принца. Его возносили

до небесъ, цѣловали полы его платья, всѣ рыдали; это было невообразимое упоеніе. Окружающіе его вырывали съ восторгомъ другъ у друга бѣлыя ленточки, которыя онъ бросалъ въ народъ и тутъ же вздѣвали въ петлицу. Я самъ былъ тронутъ до слёзъ этою картиною.

Я старался показать въ этомъ краткомъ разсказѣ какое видимое покровительство небо оказывало намъ въ продолженіе этой достопамятной войны: и не замѣтно ли тутъ дѣйствіе благаго Провидѣнія, когда мы видимъ что наше отечество нынѣ еще болѣе растетъ въ силѣ и благоденствіи, подъ управленіемъ Государя мудраго, просвѣщеннаго, великодушнаго, добродѣтельнаго и сильнаго душею, который руководствуется истиною и правосудіемъ и всегда будетъ побѣждать враговъ общественнаго спокойствія, потому что носитъ въ сердцѣ своемъ девизъ:

Si Deus pro nobis, quis contra nos?
Аще Богъ за ны, кто на ны?

КОНЕЦЪ.

ОПЕЧАТКИ.

		Вмѣсто:	Читай
Стр.	*Строка.*		
65	3.	(съ низу) Шалонъ—арнѣ	Шалонъ на Марнѣ.
70.	3.	Видя	Веда
74.	1.	Rethee	Rethel
79.	18.	Промчалъ	Прологалъ
81.	18.	Отдѣланъ	Наведенъ
81.	15.	Венгана	Венсана (Vincent)